



Серж Запольский
Нина Запольская

Старая асьенда доньи Ремедиос

Достояние Англии. Книга 5



18+

Достояние Англии

Нина Запольская

Старая асьенда доньи Ремедиос

«Автор»

2018

Запольская Н.

Старая асьенда доньи Ремедиос / Н. Запольская — «Автор»,
2018 — (Достояние Англии)

ISBN 978-5-532-04827-0

Основано на реальных дневниковых записях английских путешественников XVIII века... Капитан Линч с друзьями по всей Атлантике разыскивает сокровища инков, координаты которых весьма неточно указаны в старинном испанском манускрипте. Но путь к сокровищам тернист и опасен, к тому же курс шхуны «Архистар» всё время отклоняют поиски других золотых кладов. Но экспедиция приходит в Колумбию, где всё – колдовской морок и мистический бег по кругу. И где капитан знакомится с хозяйкой старинной асьенды.

ISBN 978-5-532-04827-0

© Запольская Н., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1. Под прицелом пушек форта Монтегю	5
Глава 2. Золотые самородки для дона Барреро	11
Глава 3. Жажда	29
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Нина Запольская, Серж Запольский

Старая асьенда доньи Ремедиос

Глава 1. Под прицелом пушек форта Монтегю

Капитан стоял на высоком парапете крыши и смотрел вниз, туда, где виднелась стьялая мёртвая вода.

Со всех сторон его окружали огромные серые дома. Они, похожие на гладкие безучастные коробки с зияющими дырами окон, стояли прямо в воде, и в этом не было для него ничего странного. Потом поверхность воды, – тёмная, бархатная, совершенная, – вдруг ожила, и капитан увидел луч света, который, метнувшись из-под воды в небо, стал шарить по стенам домов. Потом вода загорелась, и из-под её толщи, из глубины багрового света стала подниматься тень подлодки – чёрная, узкая, сигарообразная, а в душе капитана начал расти страх. И скоро в ней не осталось ни радости, ни сожаления, ни печали, а был лишь один слепой нарастающий ужас.

Потом в голове его словно ударили склянки, и он очнулся...

Сначала он осознал свет, что лился на него из окружающей тьмы: свет был ровный, спокойный и желтоватый. Потом капитан понял, что сидит, привязанный к стулу посреди каменной, без окон, комнаты, в которой находился только один стол. Затем он увидел, что за столом сидит мужчина в чёрном испанском платье, а перед ним стоит знакомая капитану шкатулка и раскрыто зияет пустотой.

Мужчина изучал документы, вынутые им из шкатулки. Он брал их один за другим длинными суховатыми пальцами, быстро проглядывал, хмыкал и поднимал в удивлении брови. Потом он отложил очередное письмо и посмотрел на капитана: глаза у мужчины были сухие и немигающие, как у змеи, и выражали они такое превосходство воли, что капитан, голова которого болела невыносимо, едва выдержал этот взгляд. Преодолевая боль, капитан собрался для решительной, как он понимал, схватки.

– Любопытный вы человек, – сказал мужчина, откидываясь на спинку стула. – Я прочитал здесь много для себя нового.

В пустой каменной комнате его голос взвился эхом.

– Эти документы теперь ничего не стоят... Губернатор уже, наверняка, знает, что они пропали, – хрипло ответил капитан.

– К сожалению, это так, – подтвердил мужчина и, безмятежно улыбнувшись, добавил: – Но к счастью, вы здесь совсем не поэтому.

Капитан напрягся, и ощущение давешнего ужаса стало подниматься в нём. Мужчина взял со стола бокал, поднёс к губам, отпил и поставил обратно. Потом он сладко потянулся, расправляя плечи и вытягивая ноги, и мягко спросил:

– Ну... И где же наше золото?

Волосы на затылке у капитана зашевелились, а по спине пробежал озноб. Вопрос про какое-то золото был так внезапен, так не ко времени и не к месту, что он ничего лучше не мог придумать, как удивлённо переспросить помертвелыми губами, оторопело глядя на мужчину:

– Какое золото?

– Наше, – со всей любезностью пояснил мужчина. – Наше золото с приисков Сан-Доминго... Мы отправили его на трёх кораблях под командованием коммодора Гранта.

Кровь хлынула капитану в лицо: он опустил голову, стиснул зубы и тихо застонал от стыда и запоздалого сожаления, вспомнив события почти десятилетней давности.

– Что же вы молчите, капитан Веласко? – опять спросил мужчина. – Или вас правильнее будет называть «капитан Линч»?

– Да... Называйте меня «капитан Линч», – согласился капитан чуть слышно, потом откашлялся и сказал уже громче, выпрямляясь: – Дэниэл Линч... А вы, как я понимаю...

– Да, – ответил мужчина, не дослушав капитана. – Я – Франсиско Барреро... Или «хефе» Франсиско, «начальник» Франсиско, как меня ещё называют. И вы меня обокрали.

Капитан опять опустил голову и закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями, чтобы отвечать правильно, и чтобы угадать, как надо отвечать правильно. Потом он выпрямился и сказал:

– Золото попало ко мне совершенно случайно... Оно оказалось в рундуке commodора Гранта, который я взял к себе на борт, как трофей... Что там было золото – я не знал.

Хефе Франсиско осклабился и произнёс:

– Ну, и, конечно, решили оставить золото себе.

Капитан тоже растянул губы в улыбке.

– А ещё я не знал, кому это золото принадлежит, – сказал он. – Но то, что возвращать его для меня будет очень опасно – это я понял сразу.

В каменной комнате повисла тишина.

– Ну, и что же мы теперь будем делать? – спросил хефе Франсиско и снова откинулся на стуле, положив ногу на ногу и обхватив сильными пальцами острую коленку.

Его странные немигающие глаза опять смотрели на капитана, подавляя. Капитан молчал, собираясь с мыслями.

– Я позволю себе предложить вам обмен, – наконец, выговорил он. – И я думаю, что обмен будет равноценный: одно золото – на другое золото.

Хефе Франсиско медленно закрыл глаза, словно зная, какое впечатление они производят на людей, и не желая отвлекать на них капитана.

– Я вас внимательно слушаю, – произнёс он и сложил пальцы рук домиком.

– Я знаю, где находится затонувший испанский «золотой» галеон «Сан Габриэль», – ответил капитан. – Он покоится на мелководье... До него легко добраться.

Хефе Франсиско продолжал сидеть неподвижно с закрытыми глазами, никак не реагируя на эти слова. Капитан молча ждал, понимая, что в эту минуту решается вопрос о его жизни. Наконец, хефе Франсиско открыл глаза – они были сухие и блестящие.

– Я согласен, – сказал он и пояснил: – Потому что вы, капитан Линч, мне известны, как человек с серьёзной репутацией... Все эти годы я следил за вами. Но вам, разумеется, придётся проводить меня на место и доказать, что сокровища галеона «Сан Габриэль» – не выдумка. И находиться всё плавание вы будете у меня на борту.

– Мне позволено будет связаться с моей командой? – спросил капитан. – Я хочу, чтобы мои люди знали, что я жив.

– Разумеется, – ответил хефе Франсиско, потом он чуть прикрыл свои глаза тонкими веками и добавил: – Я даже буду весьма рад, если ваша шхуна будет сопровождать нас.

По спине капитана опять пошёл холодок, а в гудящей голове что-то особенно болезненно жалось, но он пересилил себя и спросил:

– Ещё мне хотелось бы знать, что стало с моим спутником?

– Насколько мне известно, когда вашего раба несли на «Архистар», он не подавал признаков жизни, – ответил испанец и, помолчав, внушительно добавил: – Вы должны понимать, что с нами шутить опасно.

Стиснув зубы, капитан опять опустил голову.

– И последнее, – сказал хефе Франсиско и смолк.

Капитан быстро глянул на него исподлобья затравленными глазами: хефе Франсиско всё так же сидел за столом, только теперь он небрежно крутил в руке документ, взятый из шкапки.

Капитан опять напрягся.

– Я думаю, что вот эту бумагу надо непременно уничтожить... Её никто не должен видеть... Никто, – сказал хефе Франсиско веско и неожиданно спросил: – Вы согласны со мной?

Капитан стал вглядываться в документ, пытаясь понять – что это такое. Но хефе Франсиско встал, подошёл к одному из четырёх закопчённых канделябров, горящих на стене, и, не дожидаясь ответа капитана, поднёс бумагу к пламени свечи. Бумага тут же занялась. Хефе Франсиско подождал, пока она прогорит до самых его пальцев, и выпустил горящий клочок на пол.

Потом он легко, с высоты своего роста, нагнулся к самому полу, поднял погасший клочок и, стремительно разогнувшись, снова поднёс его к пламени. Клочок вспыхнул. Хефе Франсиско держал его, спасая пальцы от огня, за самый краешек и странно улыбался. Когда у него в руках погас последний язычок пламени, он разжал суховатые цепкие пальцы, и крошечный, неприметный кончик бумаги упал на каменный пол. Хефе Франсиско растёр его ногой.

И тут в гудящей голове капитана опять звонко ударили склянки, и наступила удивительная ясность, и тогда он понял, что сам заманил «Архистар» в ловушку.

Капитан дал слово, что не станет замышлять побег, и его, несвязанного, на рассвете следующего дня вывели из подвала дома и подвели по низкому пустынному берегу залива к лежащей на песке шлюпке.

В этой шлюпке его доставили на корабль, принадлежащий дону Барреро, который так же, как и «Архистар», стоял среди других кораблей в гавани Нассау под прикрытием острова Парадиз. Корабль дона Барреро был бригом, который, как и все бриги, имел две мачты с прямым парусным вооружением фок-мачты¹ и грот-мачты² и один косой гафельный парус на гроте. Назывался бриг по-английски – «Король Георг».

«Ну, да, – с горечью подумал капитан, издали осматривая корабль. – Все пираты и каперы Атлантики очень любят бриги, маленькие, ходкие и отлично вооружённые корабли»... А ещё он подумал, что в бою перед этим бригом у «Архистар» не будет ни единого шанса. Капитан обернулся и посмотрел на форт Монтегю: бриг стоял прямо под прицелом его пушек... «Ах, если бы только там могли знать», – с горечью подумал капитан и отвернулся.

Командовал бригом капитан Фишер – хефе Франсиско представил его капитану, и капитан сразу же узнал в нём того нищего, который застрелил Платона. У капитана Фишера было по-прежнему простое загорелое лицо, только теперь он был хорошо одет и стоял не на костылях, а крепко попирал палубу обеими своими клещеватыми ногами. Увидев этого человека, капитан опустил глаза, стараясь не выдать ничем своих чувств, но демон разрушения уже готов был охватить его.

Между тем капитан Фишер бойко произнёс:

– Уверен, мы с вами подружимся, капитан Линч... Двум английским капитанам всегда найдётся, о чём поболтать!

Глаза капитана Фишера смотрели насмешливо и высокомерно, чувствовалось, что он наслаждается своей властью над капитаном.

– У вас хорошо вышколенная команда, – сказал капитан только для того, чтобы не молчать.

Фишер с удовольствием засмеялся.

– О!.. Я никогда не приказываю бить матросов, – пояснил он. – Я их наказываю по-своему...

¹ Фок-мачта – первая, считая от носа к корме, мачта на корабле с двумя или более мачтами.

² Грот-мачта – обычно вторая мачта, считая от носа корабля. На двух- или трёхмачтовых кораблях наиболее высокая мачта вне зависимости от её местоположения.

Капитан молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Я дожидаюсь первого шторма, а они у нас не редкость, – продолжил капитан Фишер. – И приказываю принайтовать провинившегося мерзавца к бушприту... Вы же знаете, что в таких случаях происходит с кораблём?.. Море кипит, мерзавца бьют тяжёлые волны, а корабль то кормой вскинется вверх, то бушпритом врежется в воду футов на десять. Прокарамбасится мерзавец таким манером часика два, а потом его и снимут на палубу... И получается матросик – как шёлковый.

Капитан молча отвернулся, поднял брови и вопросительно посмотрел на дону Барреро.

– Сейчас вы пойдёте в отведённую для вас каюту, – сказал тот. – Там вы сможете написать письмо к своим друзьям... Оно будет доставлено на «Архистар» вечером, после нашего отплытия. Торопитесь, мы скоро отчаливаем.

Капитан прошёл в каюту и написал сквайру, что он жив и находится в плену на бриге «Король Георг», и что местом встречи двух кораблей назначается уединённая бухта северо-западного побережья острова Андрос. А ещё капитан писал, что их новый маршрут лежит на остров Сент-Люсия в лагуну, в которой был обнаружен галеон «Сан Габриэль» и которую штурман Пендайс должен помнить.

Капитан отдал письмо дону Барреро.

И бриг «Король Георг» без всяких препятствий со стороны английских властей покинул гавань столицы Королевской колонии Нью-Провиденс.

Остров Андрос, дорогой читатель, крупнейший остров Багамского архипелага, и на сегодняшний день является самым малозаселённым.

Открытый испанцами в 1550 году, остров был назван «Эспириту Санто» (исп. Espiritu Santo), то есть, островом Святого Духа, но на карте 1782 года он также назывался островом Сан Андреас.

Природа острова и сейчас живописна и девственна, а в XVIII веке остров фактически состоял из двух полностью покрытых тропическим лесом островов, соединённых (или разделённых) глубокими болотами. На Андросе, в отличие от других островов архипелага, есть питьевая вода – тысячи километров рек и ручьёв вместе с той дождевой водой, которая скапливается во множестве карстовых пещер острова. Каждые два года остров подвергается действию сокрушительных ураганов...

Капитан стоял на палубе и смотрел, как матросы суетились с краской, переименовывая бриг: они соскабливали английское название «Король Георг» и выводили новое, испанское имя «Мария дель Консуэло», данное бригу в честь Богородицы.

– Вы не боитесь, капитан Фишер, производить такие опасные манёвры с вашим кораблём? – спросил капитан у продажного англичанина, когда тот проходил мимо.

– А что? – воскликнул тот.

– Корабль может пойти на дно от обиды, – ответил капитан. – Есть такая морская примета.

– Никогда не слышал, – отрезал Фишер, он отвернулся и подозвал своего боцмана.

Через несколько минут капитан услышал, как боцман закричал матросам:

– Живо за работу, ленивые свиньи!

Тут на палубу вышел хефе Франсиско и подал капитану свою подзорную трубу. Капитан стал осматривать остров. Сам хефе Франсиско встал рядом с ним и принялся рассказывать про Атлантиду, которая, по его мнению, затонула где-то в Атлантическом океане, а точнее, между островами Бимини, Куба и Андрос.

– Катастрофа произошла около 12 тысяч лет назад, – сказал дон Барреро. – Именно это время великий Платон указывает, как время исчезновения Атлантиды.

Хефе Франсиско посмотрел на капитана своими немигающими глазами. Капитан быстро отвёл взгляд и опять стал смотреть в подзорную трубу теперь уже на море: он второй день ожидал прихода «Архистар», к тому же спорить с хефе Франсиско капитану не хотелось.

Хефе Франсиско тяжело вздохнул.

– Вы мне не верите, – попытожил он. – А что, если я скажу вам, что своими глазами видел здесь, под толщей воды, огромную, заросшую морской травой, пирамиду, к которой подходила гигантская каменная дамба – громадная стена длиной в несколько тысяч футов?

Капитан оторвался от трубы, подумал, что ему давно пора бы что-нибудь сказать, и сказал коротко:

– О!..

– Не удивляйтесь, – продолжил хефе Франсиско. – Гольфстрим здесь проходит со скоростью около трёх узлов в час... Так что песок на морском дне постоянно перемещается. Он то покрывает, то обнажает подводные постройки древних цивилизаций.

Капитан молча смотрел в трубу. Хефе Франсиско возмущённо фыркнул.

– А если я вам скажу, что в саду моего дома стоит прекрасная мраморная статуя, поднятая для меня со дна моря возле Бимини? – не отставал он от капитана. – Что вы на это скажете?

– Я скажу, дон Барреро, что эта статуя могла упасть совсем недавно во время шторма с палубы европейского корабля, идущего во Флориду, – ответил капитан и улыбнулся хефе Франсиско, как только мог любезнее.

Испанец захохотал высоким, особенным смехом, похожим на клёкот орла, и с треском захлопал в сухощавые ладони.

– Bravo, капитан Линч!.. – воскликнул он, отсмеявшись, и неожиданно, без всякого перехода, произнёс тихо и значительно: – В вас заключён какой-то парадокс! Я хочу вас использовать... Ваши тайные политические каналы.

И тут капитан, увидев в трубу на горизонте парус, закричал:

– Парус на горизонте!

И тут же голос вперёдсмотрящего из бочки повторил эхом:

– Парус на горизонте!

Раздались трели боцманской дудки, на палубе послышался топот множества ног. Капитан сложил о грудь зрительную трубу и поклонился дону Барреро. Испанец бледно улыбнулся ему и приглашающе махнул рукой. Капитан закинул перевязь трубы на плечо и отправился к грот-мачте, чтобы с неё рассмотреть приближающийся корабль.

Но это была не шхуна «Архистар». Это был неизвестный корабль, который не поднял пока флага, а значит, считался пиратским.

– Поднять жёлтый флаг! – закричал капитан Фишер. – И готовиться к бою!

По палубе забегали. Через какое-то время над «Консуэло» взвился жёлтый флаг. Он означал, что на бриге карантин из-за повального заболевания команды. Все на бриге с напряжением ждали действий неизвестного корабля. Капитан, стоя у четвердека, слышал, как хефе Франсиско спросил у капитана Фишера:

– Но это не может быть Красавчик Джон?

Тот ответил с сердцем:

– Не знаю, дон Барреро!.. Я и сам этого боюсь!

Но неизвестный корабль, не заходя в бухту, резко сменил курс.

– Испугались нашего «карантина», – самодовольно заявил капитан Фишер.

– А может быть, не захотели вступать в бой или сами прячутся, – ответил хефе Франсиско, он пошёл на палубу к капитану, который уже опять смотрел на берег острова.

К концу дня заметно похолодало. Наступал тихий, чудесный вечер с крепким морским запахом и синим безоблачным небом, уходящим, бог знает, в какую высь. Кожистые листья

пальм, косо расставленных пассатами на берегу тут и там, не трогало ни малейшее дуновение ветра. За группами этих застывших в падении пальм виднелся густой тропический лес.

Высокие сосны леса, нагретые солнцем за день, испускали на берег смолистый аромат, и он смешивался с запахом моря и с запахом остывающего берегового, белого, как кость, песка в одно несравнимое ни с чем благоухание.

Глава 2. Золотые самородки для дона Барреро

«Архистар» прибыла в Красную бухту на северо-западном побережье острова Андрос к вечеру следующего дня.

Капитан с палубы брига смотрел на шхуну в подзорную трубу и видел, что его тоже рассматривают и даже узнали. Скоро шлюпка с «Архистар» доставила на бриг взволнованного мистера Трелони и, как всегда, невозмутимого штурмана Пендайса.

– Слава богу, вы живы! – воскликнул сквайр, подбегая к капитану. – Мы уже не знали, что и думать!

Он бросился обнимать капитана, не обращая внимания на матросов, стоявших на палубе неподалёку и на капитана Фишера, который был совсем рядом и ел его глазами.

Штурман Пендайс степенно ждал своей очереди поздороваться, стоя позади сквайра. Потом штурман обменялся с капитаном привычным рукопожатием, но не сдержался и неожиданно сжал предплечье капитана своей ручищей. Капитан присмотрелся к штурману – тот выглядел растроганным.

И тут сквайр сказал каким-то деревянным голосом, покосившись на капитана Фишера.

– Доктор прийти не смог – он сидит с Платоном.

– Так Платон жив? – вскричал капитан, и сердце у него забилося так, что, казалось, грудь надо было придерживать рукой.

Его мгновенно переполнило чувство, словно бы над ним приподняли крышку гроба, в котором он лежал, заживо погребённый всё это время: пропала душная, муторная тяжесть, мучавшая его последние дни, и сразу стало легче дышать, и над головой словно приоткрылись просторы, и забрезжило надеждой, что всё пройдёт, и всё образуется.

– Жив, – подтвердил сквайр, и серые глаза его загорелись на обожжённом солнцем лице. – Только он сейчас спит... Как всегда.

Сквайр со значением посмотрел на капитана, и капитан сразу понял и спросил коротко, одними губами:

– Амулет?

– Я сразу же положил его Платону на грудь, как можно ровно, – тихо ответил сквайр и добавил: – Наш доктор не ругался.

– Куда Платон ранен? – спросил капитан.

– В живот, – ответил сквайр.

– Скверная рана, – пробормотал капитан и опустил глаза в раздумье.

Мистер Трелони и штурман Пендайс молча смотрели на него и ждали, когда он снова заговорит.

– Что вы так долго сюда шли? – наконец, спросил капитан.

– Надо было запастись провизией, – ответил штурман Пендайс. – Собирали её по всему Нью-Провиденс.

Они опять замолчали, неловко поглядывая на капитана Фишера.

– Мы привезли вам ваши личные вещи, капитан, – сказал сквайр.

И тут капитан Фишер вскричал:

– Их необходимо досмотреть!

И уже обращаясь к капитану, он сказал с плохо скрываемой иронией:

– Вы позволите, капитан Линч?

Не дожидаясь ответа, капитан Фишер подозвал боцмана. Боцман взял саквояж из-под ног сквайра и, отойдя несколько в сторону, склонился над ним, проверяя одежду.

Капитан, сквайр и штурман Пендайс смотрели на боцмана и молчали. А потом сквайр снова заговорил, и говорил он о каких-то пустяках и смешных происшествиях, о которых обычно говорят, находясь у постели тяжелобольного родственника или друга.

Когда стемнело, пришёл лёгкий ветер, и комары, и мошки, так мучавшие всех весь день, исчезли.

– Идите, Джордж, – сказал капитан сквайру. – Сейчас как раз начнётся отлив.

– Да, мы пойдём, – сказал тот. – Мы придём ещё завтра.

Тут сквайр сделал лёгкий поклон в сторону капитана Фишера и произнёс:

– Если нам будет позволено.

И он опять порывисто бросился обнимать капитана. Штурман Пендайс с другого бока тоже приблизился к капитану и сжал его запястье, и капитан почувствовал, как в обшлаг жюстокора ему что-то положили, и услышал, как мистер Трелони одними губами прошептал:

– Ждём ответа.

Мистер Трелони и штурман Пендайс стали спускаться в шлюпку.

– Будьте осторожны в шлюпке, – сказал капитан на прощанье. – Тут по ночам близко к берегу подходят акулы, что охотятся у края Гольфстрима... Я с палубы видел, как они носятся за рыбой.

Мистер Трелони махнул в ответ рукой. Капитан смотрел, как шлюпка с «Архистар» отчаливала. Он долго провожал её взглядом, словно никуда не торопился. Потом он поклонился капитану Фишеру и нарочито неспешно пошёл к себе, но письмо, казалось, жгло ему тело через одежду.

В каюте горел фонарь и стоял саквояж, принесённый услужливым боцманом. Капитан закрыл дверь и привалился к ней спиной. Трепетной рукой он достал письмо и развернул: в письмо был завернут огрызок карандаша, заточенного с двух сторон. Капитан улыбнулся, спрятал карандаш за обшлагом рукава и стал читать письмо. В письме быстрым почерком доктора Легга было написано:

«Дорогой друг! На общем совете мы приняли решение атаковать бриг в ближайшие день-два при подходящем ветре. Сигналом к атаке будет красный флаг, поднятый на шхуне. Ждём ваших приказаний».

Капитан достал огрызок карандаша и на обратной стороне листка бумаги написал ответ. Потом он спрятал письмо на себе и вышел на палубу: спать он не мог.

Ночь, сияющая множеством звёзд, разверзлась над его головой. Огромные тёмные тучи, словно впитавшие в себя эту ночь, висели меж этими звёздными полями. Таких диковинных туч капитан не видел нигде – они были озарены странными огнями, не похожими на вспышки молний. Кругом было так тихо, что слышно было, как плещет в воде испуганная акулами рыба, и так тепло, что казалось, будто сейчас не конец осени, а начало июля. Уснул капитан поздно.

На следующий день с утра дул северный ветер – резкий и холодный. Такие ветры были не редкость в последнее время, вода в океане уже успела остыть, и сегодняшний норд был сухой – он не принёс с собой ни тумана, ни дождя. Сквайр и штурман Пендайс прибыли на бриг ранним утром, а пробыли на нём ровно столько, сколько потребовалось штурману Пендайсу для согласования маршрута дальнейшего совместного плавания двух кораблей. За это время капитан сумел незаметно вложить в руку мистера Трелони свой ответ.

Когда мистер Трелони поднялся на «Архистар» и раскрыл записку, он громко прочитал, чтобы все слышали:

«Решение атаковать бриг считаю крайне опасным. Приказываю следовать за бригом, как можно дольше, а вблизи Сент-Люсии оторваться от него, сменив курс. Предлагаю затаиться на острове в какой-нибудь бухте и связаться со мной».

– Но зачем нам следовать за бригом? – воскликнул мистер Трелони.

– Джордж, вы забываете про Красавчика Джона, – ответил доктор Легг, и его славное лицо брезгливо сморщилось. – Да и другого отребья в Карибском море предостаточно.

Доктора поддержал штурман Пендайс.

– Вдвоём идти – гораздо безопаснее, сэр, – сказал он. – К двум кораблям уже мало кто сунется.

– Да, – согласился сквайр и горестно вздохнул. – Тут не знаешь, что опаснее – идти без брига или с бригам.

Они поговорили ещё немного о предстоящем маршруте.

Скоро «Консуэло» и «Архистар» взяли курс на Гавану. Только в Гаванский порт шхуна войти, естественно, не могла.

Штурман Пендайс решил подождать «Консуэло», затаившись на побережье поблизости.

Море было беспокойно, капризно и в любую минуту грозило поменяться.

Ветер же сегодня был постоянен, и в нём за бригам парил альбатрос, раскинув чёрные крылья, и казалось, что птица спит в небе, отдав себя на волю ветра.

Капитан, стоящий на мостике, следил за альбатросом и невольно вслушивался в то, что капитан Фишер, особо не скрываясь, рассказывал дону Барреро.

– Бабы – это те же корабли, – громко разглагольствовал он. – Пока они молоды – они прекрасны... Бывают, конечно, капризны, и тогда приходится идти им на уступки. А дальше, чем баба старше, тем с нею проще, только не ленись ухаживать... Но главное – вовремя списать корабль... Тьфу ты, то бишь, бабу! Нельзя тянуть, как говорится, до последнего рейса.

Сказав это, капитан Фишер покосился в сторону капитана, прекрасно зная, что тот слышит его слова.

– Вы согласны со мной, капитан Линч? – спросил капитан Фишер и насмешливо добавил, положив руку на пистолет за поясом: – Или вы не по женской части?

Капитан спокойно повернулся к нему и ответил с сарказмом в голосе:

– Вы не джентльмен, капитан Фишер... Джентльмен, прежде чем сказать гадость, обязательно попросит прощение.

Капитан медленно отвернулся и стал смотреть на горизонт. На мостик к Фишеру поднялся боцман и о чём-то стал тихо докладывать, потянувшись всем телом к уху начальника.

Дон Барреро, пользуясь случаем, приблизился к капитану и сказал негромко и словно бы извиняясь:

– Терплю этого мужлана за преданность... Но с удовольствием поменяю на другого капитана.

Капитан промолчал, сделав вид, что не понял намёка. И хефе Франсиско тут же перестроился, продолжив, как ни в чём не бывало:

– В Гаване мы возьмём на борт местных ныряльщиков, братьев Ромеро... С ними, конечно, поедет их отец, Хосе Ромеро. Он старый, потомственный водолаз, но уже не ныряет... Вам, капитан Линч, в самой Гаване делать нечего. Вы побудете на борту, естественно.

– Конечно, дон Барреро, – ответил капитан спокойно.

На горизонте в облачной дымке разворачивалась панорама Гаванской бухты – бриг приближался к Гаване. Капитан, видевший раньше этот испанский город только со стороны суши, пристально взгляделся в зрительную трубу.

Берега бухты были неприветливые и голые, без деревьев или другой растительности, в которой мог бы спрятаться вражеский лазутчик. Правый берег, на котором стояла небольшая крепость Ла Пунта, был более пологим, чем левый, на котором грозно высилась крепость Эль Морро со своими тремя бастионами и угловым маяком, видимым издали... Капитан усмехнулся и подумал, что на старой испанской гравюре 1671 года, которую он видел и чуть было

не купил в лавке «Эспаньола», маяк и крепости выглядели величественнее и крупнее, чем в действительности, да и горы, утопающие сейчас в облаках, были изображены более высокими.

Бриг прошёл под прицелом пушек, видневшихся между зубцами крепостных стен. Вход в бухту в это время дня был открыт – мощная цепь, натянутая между двумя крепостями, сейчас лежала на дне пролива Де Энтрада, в который они и входили. Скоро бриг бросил якорь далеко от берега, оказавшись в почти круглой бухте вместе с другими кораблями. Вода в бухте, защищённой со всех сторон берегами, была, как ни странно, чистая.

Спустили шлюпку, и хефе Франсиско и капитан Фишер пошли на ней к берегу. Капитан остался стоять на палубе. От нечего делать он стал смотреть на город.

Поднявшееся в небо солнце осветило Гавану, и капитан подумал, что шпили городских соборов соперничают по высоте с горами на горизонте. Соборы прятались в хаосе черепичных крыш, но по их шпилям можно было догадаться о расположении в городе площадей. К берегам бухты, застроенной кое-где совсем уж незатейливыми, тоже крытыми черепицей домиками, приставали судёнышки и небольшие лодки под латанными-перелатанными парусами. Из них выгружали мешки и корзины, которые потом увозили на повозках с большими колёсами. В повозки была впряжена лошадь, реже – две. И время от времени то от одной лодки, то от другой слышался говор и смех.

В Гаване была поздняя осень, штормы уже прошли, но настоящая рыбная ловля ещё не началась, и наверняка сейчас в кофейнях и тавернах города целыми днями сидели рыбаки, играли в кости, курили сигары, пили молодое вино, предаваясь лёгкому и ленивому кайфу, говорили о ремонте лодок, о приготовлении крючков, гарпунов и сетей и обсуждали начало сезона ловли, когда тунец пойдёт мимо них по Флоридскому проливу на север.

И тут над всей бухтой и, кажется, даже над всей Гаваной заиграла шарманка.

Шарманка была старая, заезженная многими и многими годами её жизни, и звук её был прерывистый и дрожащий, способный выжать слезу даже из очень чёрствого сеньора. Капитан знал эту песню – это была старинная мурийская сегидилья, которая одна только, наверное, из всех испанских сегидильй имела грустное содержание. В звенящих звуках шарманки было недолгое счастье, и вешние воды, и ранний мотылёк, и зелёные холмы – всё то, что и должно быть в простой песне.

И вдруг от нагретой солнцем палубы резко запахло смолой и паклей, да так, что капитан закрутил головой в оторопи, оглядываясь, а запах рос и множился, закручиваясь вверх и смешиваясь там, высоко в небе, со звуками шарманки, и с говором рыбаков, и с криками чаек, и скоро капитану стало казаться, что он всегда жил в этом городе, и останется жить здесь и дальше, и не умрёт никогда... В городе, в котором ему уже второй раз в жизни не довелось побывать.

Чуть позже на бриг стали подвозить провиант, и капитан пошёл проследить, чтобы то, что предназначалось для «Архистар», было сгружено в сторону.

Этой ночью капитану приснился сон: он стоял на Старой площади Гаваны и вертел ручку шарманки, искоса посматривая на тёмные аркады окружающих его зданий. Где-то рядом с ним был кукольник. Капитан это знал совершенно точно – с самого утра они вдвоём ходили по городу и разыгрывали похождения Панча³. Капитан слышал голос кукольника, чувствовал его дыхание, только самого почему-то не видел.

У кукольника во рту был пищик, и то, что он выкрикивал публике, которая тоже присутствовала, но которую капитан тоже не видел, было не совсем понятно. Капитан отвечал невнятному кукольнику, вёл с ним диалог, помогая тем самым невидимой публике разобраться с сюжетом, которого он сам, признаться, давно не понимал и за которым уже устал следить. Он только успевал крутить ручку, а из-под занавески, выныривая ниоткуда, то появлялся, то

³ Панч – английский Петрушка.

исчезал Панч, потом, когда Панч снова появлялся, Джуди била его, и тут выныривал доктор, потом придворный прогонял взащей всех этих орущих персонажей, а сам тоже пропадал, и вместо него выныривал тюремщик, потом палач, потом офицер, потом констебль, потом опять из-за ширмы появлялся вынырнувший доктор...

И скоро голова у капитана от всех этих выныриваний пошла кругом, и он проснулся...

На рассвете на борт «Консуэло» поднялись ныряльщики. Капитан всмотрелся в них и вздрогнул – пожилой испанец был удивительным образом ему знаком. Знакомо его с виду простоватое лицо с тонкими усами и спокойные умные глаза, знакомы налитые жирком покатые плечи, и даже в том, как испанец сдвинул на затылок свою шляпу, было что-то знакомое. Капитан пристально посмотрел на испанца, ожидая ответного узнавания, но испанец лишь скользнул по его лицу взглядом и равнодушно отвёл глаза... «Мы не встречались, да это и лучше», – подумал капитан.

С простоватым испанцем были сыновья: старший сын Мигель – большой и крупный, как медведь, красивый парень и младший, Серхио, который был выше и стройнее своего старшего брата. У обоих молодых ныряльщиков были широкие грудные клетки и сильные руки.

Следом на борт поднялся ещё один ныряльщик, которого звали Антонио. Был он невысокий, крепкий и загорелый. Он беспрестанно заразительно смеялся, показывая свои белые, великолепные зубы. Этот ныряльщик потом часто появлялся на палубе, он даже чем-то стал симпатичен капитану, особенно, когда, разговаривая с братьями Ромеро, он откидывал голову назад в ослепительном белозубом смехе. Старый испанский водолаз на палубе почти не появлялся.

С утренним отливом «Консуэло» покинул бухту Гаваны. Когда он выходил из гавани, на него никто не показывал пальцем, потому что в каждом порту мира знают, что указывать на выходящий из порта корабль, значит обресть его на гибель. В условленном месте «Консуэло» и «Архистар» встретились, и с брига на шхуну перегрузили закупленную в Гаване провизию.

Корабли пошли на Сент-Люсию, и опять потянулись одинаковые дни, отданные только морю и небу.

С самого утра штурман Пендайс ощущал растущее беспокойство.

Он нервно мерял шагами палубу, время от времени посматривая на горизонт в подозрительную трубу. После полудня барометр стал падать с невероятной быстротой: всё свидетельствовало о приближении шторма. Штурман Пендайс велел боцману Ганту готовить корабль к буре. Мистера Трелони о надвигающейся буре предупредил Платон.

– И сильный будет шторм? – спросил сквайр: без капитана на корабле он начал нервничать.

– Этого не может предугадать никто, даже наш мистер Пендайс, – ответил Платон.

– Я хотел бы остаться на палубе в этот шторм, – сказал сквайр.

– Пойду, предупрежу мистера Пендайса, – ответил Платон.

Он вместе с Райвенуком задраил все люки, потом помог команде на оставшихся парусах, кливере и гроте, взять по рифу. Работали все, как сумасшедшие. Слово карауля их, ночь наступила сразу, как только на шхуне закончили все работы, а вместе с ночью пришёл шторм.

С глухим стоном над морем пронёсся первый порыв ветра. Рулевой Скайнес повернул шхуну носом на пять румбов от ветра. Матросы вынесли кливер на наветренную сторону, и с кливером и гротом на вантах шхуна легла в дрейф⁴. Отчаянно сопротивляясь ветру, она качалась в ревущей тьме на огромных валах. Туго натянутые снасти, готовые лопнуть, гудели, как струны гигантской арфы. Парусность уменьшили, взяв на гроте ещё два рифа.

⁴ Лечь в дрейф – расположить паруса так, чтобы можно было, не бросая якоря, удержать судно на месте.

А шторм, между тем, разворачивался своим чередом. Грянул ливень, он смешался с морскими брызгами, которые ветер поднимал на высоту мачт. В видимости теперь было только то, что находилось поблизости. Волны били корабль со всех сторон, норвя его опрокинуть.

Корабль накренился в очередной раз, и тут же на него обрушилась волна. Она швырнула рулевого Скайнеса на штурвальное колесо. Пять рукояток штурвала «Архистар» отлетели, как их и не было, а Скайнеса, со сломанными рёбрами, оттащили к доктору Леггу. Сквайр встал к штурвалу вместе со штурманом.

– Ничего, это со штурвалом и рулевыми бывает... Это в шторм не редкость! – прокричал штурман на ухо сквайру, успокаивая его.

Мистер Трелони ничего не расслышал, но почему-то успокоился. Он дрожал от холода под своим дождевиком и боялся, чтобы не подумали, что его трясёт от страха. И тут он почувствовал, что корабль опять накренился и стал бесконечно долго подниматься куда-то вверх, вверх, прямо в чёрное небо, и хоть вокруг ничего не было видно, сквайр понял, что с наветренной стороны вздымается, изгибаясь высоко над ним, стена воды, потом на мгновение ветер стих, и сквайр всхлебнул в себя воздуха, а потом шхуна выпрямилась, замерев на секунду и повиснув над бездной, и тут же рухнула навстречу стремнине.

Океан воды ударил сквайра в спину. Руки у него разжались, и, если бы он не был связан тросом, его унесло бы этой волной неизвестно куда. Измятый до полусмерти, сквайр повернулся к корме и почти задохнулся от ветра, дующего в лицо. Это привело его в себя, и он с ужасом понял, что ветер дует в корму, и хоть шхуна и вырвалась из ложбины между валами, волны могли снова столкнуть её туда. Между тем, штурмана за штурвалом не было. Сквайр рванулся к штурвалу, боясь, что он не сможет один повернуть его, но вместе с вернувшимся Пендайсом он всё же предотвратил катастрофу.

А им навстречу уже шли другие валы, готовые своим напором развернуть «Архистар» к волне бортом. Появившийся неожиданно из ревущего мрака Платон, сменил сквайра у штурвала, как раз в тот момент, когда громадная волна поднялась за кормой, угрожая положить шхуну на левый борт.

– Двух матросов придавило на полубаке! – выкрикнул Платон, когда опасность миновала. – У одного сломаны обе руки, у второго – бог знает сколько рёбер!.. Мы оттащили их к доктору на бак!

Но уже другие волны катили шхуне навстречу. Так шли бесконечные часы, а потом мертвенным холодным светом забрезжил рассвет. Шторм пошёл на убыль, но море ещё колыхалось, тяжело и злобно смиряя свой недавний гнев. На шхуне взяли риф на одном из нижних кливеров и двойной риф на бизани, а потом подняли их, не смотря на всё ещё сильный ветер. Постепенно, по мере того, как убывал шторм, на «Архистар» прибавляли парусность, а потом резко сменили первоначальный курс.

Взошло солнце, и оно чудодейственным образом поглотило бурю – ветер моментально стих, и скоро от шторма осталась лишь зыбь и низкая линия туч в невероятно чистом и прозрачном небе.

Всего этого капитан не знал. Когда шторм стих, и капитан не увидел на горизонте «Архистар», он не представлял даже, что и подумать: то ли шхуна поменяла курс, как они условились, то ли её смело штормом, и все на борту погибли. Это были страшные мысли. Когда стихла мёртвая зыбь, он попросил хефе Франсиско приказать организовать поиски. Бриг прочесал район шторма, но ничего не нашёл – ни «Архистар», ни её обломков, ни оставшихся в живых.

К намеченному с капитаном Фишером на такой случай месту встречи шхуна тоже не подошла.

Капитан стоял на палубе и смотрел на французский остров Сент-Люсия – место непрекращающегося конфликта между Англией и Францией.

Бриг шёл вдоль юго-западного побережья острова, стремясь обойти остров по проливу Сент-Винсент и выйти на его восточное побережье. Именно на восточном побережье среди грозных запутанных скал, омываемых высокими волнами Атлантики, и располагалась не приметная маленькая бухта с затонувшим галеоном «Сан Габриэль».

Сейчас капитан разглядывал в подзорную трубу две парные горы – Малый и Большой Питон. Явление было величественное – два почти одинаковых по высоте конуса, покрытых вечнозелёной растительностью. Правая гора была основательнее левой и казалась массивнее... Капитан подумал, что в ясную погоду с них обязательно будут видны соседние острова – остров Мартиника, расположенный севернее Сент-Люсии, и остров Сент-Винсент, лежащий на юге. Рядом с горами над лесом поднимался туман, а, может быть, пар от горячих источников.

Юго-западное побережье Сент-Люсии было сильно изрезано – остров окружали многочисленные бухты, а берег состоял из перемежающихся песчаных и скалистых пляжей. Со стороны суши полосы серого и чёрного вулканического песка подпирали вулканические массивы, покрытые густыми лесами. Берег на востоке острова поражал дикостью, и капитан невольно отдал должное мастерству капитана Фишера, который умело вёл бриг вдоль этих неприветливых и опасных скал.

Потайную бухту нашли быстро, и «Консуэло» встал на якорь. Скоро на воду были спущены шлюпки для дон Барреро, Фишера, капитана и испанских ныряльщиков.

Покидая палубу, капитан Фишер сказал своему боцману:

– Всей команде, не занятой на вахте – ловить рыбу. Возле галеона матросам делать нечего... Увижу чей-либо любопытный нос – застрелю мерзавца на месте.

Бухту, где затонул «Сан Габриэль», капитану не надо было вспоминать, он её прекрасно помнил и командовал гребцам, куда поворачивать. Шлюпки шли чередой скал, от которых сильно тянуло запахом гуано. Наконец, из-за одиночной скалы, стоящей несколько поодаль остальных, их глазам открылось свободное пространство спокойной воды. Капитан протянул руку и сказал:

– Вот это место.

Дон Барреро и капитан Фишер склонились над водой, всматриваясь.

– Вода мутная, ничего не видно, – огорчённо произнёс дон Барреро: он поднял голову и его глаза пронизывающе взгляделись в капитана.

– Это из-за осенних штормов, – пояснил капитан Фишер.

Дон Барреро удивлённо повертел головой, осматривая окрестные скалы.

– Но как «Сан Габриэль» мог попасть сюда?

– Его перенесла сюда стихия, – ответил капитан и добавил: – Наверное.

– Боюсь, что это так, – подтвердил капитан Фишер. – Волны во время тайфуна могут достигать гигантских размеров...

Дон Барреро ещё немного попытался разглядеть что-нибудь в воде, а потом сказал:

– Я возвращаюсь на корабль... Сами тут разбирайтесь, капитан Фишер. Если что – мне сразу докладывать.

Его шлюпка вернулась к бригу. Там как раз шла разгрузка плота.

За время пути плотник с «Консуэло» соорудил большой деревянный плот с отверстием посередине. В это отверстие в плот должна была втыкаться дубовая бочка, в которой вместо дна было вставлено прозрачное стекло – через эту бочку можно было наблюдать за морским дном. Сейчас плот по частям спустили на воду и шлюпками отбуксировали в проливчик, собрав его там и поставив на якорь. На плот перебрались матросы, капитан Фишер и белозубый Антонио. Ныряльщик курил, лениво посмеивался, поглядывая со снисходительным видом на все приготовления, происходившие вокруг него. Капитан Фишер изредка отдавал матросам приказания.

Возле плота в другой шлюпке сидели капитан и сеньор Ромеро с сыновьями – те усиленно дышали, набираясь кислорода и перебираться на плот не торопились. Антонио изредка бросал на братьев Ромеро насмешливые взгляды. Потом он швырнул окурок в воду, в развалку подошёл к краю плота и, обхватив руками камень, лежащий на краю и привязанный к плоту линем, рухнул вниз – только взбудораженная вода заходила туда-сюда, качая плот.

Все опустили головы, всматриваясь в воду. Капитан Фишер прильнул к смотровой бочке, обхватив её руками и пытаясь что-то разглядеть в смутной воде. Капитан взял в руки часы. Потянулись секунды ожидания.

Почти через минуту Антонио вынырнул, задыхаясь, вдохнул в себя воздух и бешено погрёб к плоту. Встревоженные матросы втащили его наверх. Задыхающийся Антонио, явно напуганный, стал кашлять, отплёвываться, размазывая по лицу воду, текущую с волос, а потом закричал истошно, сотрясаясь всем телом:

– Я больше туда не полезу!

– Заткнись, каналья! – прикрикнул на него капитан Фишер. – И лучше скажи – там есть галеон?

Нырлящик судорожно обернулся на голос капитана Фишера и вскричал:

– Есть галеон!.. Есть!.. Будь он проклят!

Нырлящик стал подвывать, не переставая трястись и дёргаться. Чуткий плот ходил ходунком от его движений.

– Ну, так и что? – опять крикнул капитан Фишер.

– Не полезу! – ещё громче завопил Антонио. – Ни за что не полезу!.. О, Боже!.. Боже милосердный!

И тогда Фишер спокойно спросил, медленно приближаясь к нырлящику:

– Так не полезешь?

Капитан поразился, как далеко вперёд выпятил капитан Фишер свой бритый, квадратной формы подбородок, подбородок, говорящий о страшной воле и большой жестокости. Капитан напрягся, испугавшись за нырлящика. Антонио даже трястись перестал. Он удивлённо, или скорее даже как-то подозрительно, всё ещё щурясь от морской воды и смаргивая, посмотрел на капитана Фишера.

А тот, не говоря больше ни слова, достал из-за пояса пистолет и выстрелил нырлящику в грудь. Антонио замертво рухнул на настил плота.

Капитан Фишер приказал матросам:

– Отвезите этот короб вонючих потрохов на берег и заройте где-нибудь... В море не бросать!

И он повернулся к шлюпке, в которой сидели братья Ромеро.

...каждый фридайвер знает, что повышенный риск в подводном плавании на задержке дыхания (в профессиональной терминологии именуемом «апное») требует особенно сознательных тренировок с соответствующими мерами безопасности. Такие тренировки, как известно, могут быть направлены на поэтапное повышение общей и специальной выносливости организма, координации движений, гибкости и подвижности грудной клетки. Спортсмену необходимо выработать эффективную и экономичную технику движений, а также сознательное отношение к гипоксии, нырлятельному рефлексу и, собственно, к дыханию...

Каждый фридайвер знает, что человек при погружении в воду подвержен действию нырлятельного рефлекса, при котором, как правило, наблюдаются ларингоспазм, брадикардия, вазоконстрикция и кровяной сдвиг. Недопустимые перегрузки могут привести к потере сознания (блэкауту), различным травмам и необратимым последствиям для организма спортсмена. Поэтому нельзя тренировать апное в воде без надзора (особенно на пределе

возможностей), резко наращивать нагрузки и игнорировать компенсаторные возможности организма...

Сейчас действия ныряльщиков, своих сыновей, контролировал сеньор Ромеро – водолаз с большим опытом ныряния без какого-либо дыхательного оборудования, потому что никакого дыхательного оборудования, кроме водолазного колокола, в то время придумано ещё не было. Он попросил матросов сделать другой балласт для погружения. Все на плоту старались не встречаться взглядом с капитаном Фишером.

Скоро ныряльщики пошли на глубину каждый с двумя балластными камнями, привязанными тросами к плоту: один камень свободно висел на тросе, второй камень ныряльщик зажимал ногами, держась за трос, примотанный к этому камню. Ещё один трос был привязан к ремню со свинцовым шаром, закреплённым на поясе ныряльщиков. Капитан снова достал часы.

Через пять минут ныряльщики всплыли и полезли на плот. Сеньор Ромеро бросился к ним с полотенцами.

Мигель первым стащил с лица маску – пропитанную смолой ткань со стёклышками, укрепляемыми перед глазами.

– Там нет... Ничего страшного, – сказал он прерывисто. – Груда балласта... Развороченный киль галеона... Муть. Не больно-то видно... И сильно чувствуется донное течение.

– А глубоко там? – спросил капитан Фишер.

– Не очень, – ответил Мигель. – Где-то пятьдесят – шестьдесят футов... Если бы галеон не лежал на боку, то его грот-мачта торчала бы из-под воды.

Капитан Фишер осмотрелся, – проход между скалами был тупиковый, – и пробормотал сквозь зубы:

– Интересно, откуда здесь донное течение?.. Да ещё сильное.

– Это может быть, если в скалах есть проход, – тихо ответил сеньор Ромеро.

Капитан Фишер не ответил. Он отвернулся и закричал на матроса, нерасторопно, по его мнению, поднимающего из воды свинцовый пояс Мигеля.

Сеньор Ромеро приблизился к младшему сыну, готовящемуся нырнуть.

– Ещё раз повторяю... Настойчивая потребность сделать вдох – сигнал для всплытия на поверхность, – сказал он.

Серхио кивнул и прыгнул. Старый водолаз склонился над поверхностью, всматриваясь в воду.

Скоро Серхио вынырнул – без пояса, который он отстегнул в воде. Увидев его, матросы стали тянуть со дна сетку с бурыми невзрачными коралловыми образованиями – большими и маленькими. Капитан Фишер бросился к сетке, как ястреб. Матрос подал ему молоточек. Присев на плоту, капитан Фишер осторожно постучал по самому крупному из камней, потом снял отбитые скорлупки и куски. Под его руками блеснуло благородным сиянием, и скоро он очистил от кораллового камня несколько золотых браслетов, видимо раньше находившихся в связке. Капитан Фишер заулыбался, пряча браслеты на себе.

– Это надо немедленно показать дону Барреро, – сказал он, подхватывая с пола сетку с камнями. – И никому не слова... Слышите?

Вытряхнув всё из сетки к себе в шляпу, он отшвырнул сетку на палубу плота и, прижимая гору камней к груди руками, полез в шлюпку к капитану.

– Ныряйте, ныряйте! – крикнул он старому водолазу и приказал гребцам идти к бригу.

Капитану остаться с ныряльщиками он не предложил, возможно, намеренно. Поэтому капитан скоро оказался у брига и от нечего делать попросил матросов отвезти себя на берег залива. На берегу он снял сапоги, чулки и, закатав штаны выше колена, стал ходить по песку, поглядывая кругом.

Песок был вулканический, мелкий, серый пополам с чёрным. Светило солнце, и тёплый песок приятно грел уставшие от обуви ноги. Скоро из воды к капитану стали выбегать смешные розовые крабы. Капитан выбрал одного и приблизился к нему так, чтобы загородить собою солнце, и как только тень капитана упала на краба, тот замер, привстал на ножках и грозно поднял свои клешни, готовясь к обороне.

– Ты не прав, малыш, – сказал ему капитан больше для того, чтобы привести в порядок свои совершенно разбитые мысли. – Надо атаковать... Надо обязательно пытаться атаковать.

Капитан задумчиво посмотрел на матросов, сидящих у шлюпки – те старательно делали вид, что не глядят на него, но, когда капитан направился к пальмовой роще, стоявшей выше по берегу, один из матросов вскочил и пошёл за ним. Повернув назад и посмотрев в упор на матроса, который и не собирался отводить глаза, капитан сел на берегу. Перед ним в заливе стоял бриг, а за его спиной, за пальмовой рощей, – капитан прекрасно знал это, – тянулись бесконечные тёмно-зелёные горы, а далеко над ними дымился ядовитыми парами невысокий вулкан.

Капитан ещё посидел так какое-то время и вернулся на бриг.

Весь этот день на бриге нестерпимо воняло жареной рыбой. Рыба была на ужин: матросы рыбачили весь день и наловили её вдоволь. На полубаке лежали ныряльщики и делали, как капитан понял, вентиляцию лёгких: их долгий, протяжный свист был слышен по всему кораблю.

Ближе к ночи, уже стало темнеть, капитан вышел из своей душной каюты проветриться. Рыбой уже не пахло, а пахло хорошим кофе и крепкими сигарами, запах которых тянулся с капитанского мостика. Где-то на баке брэнчали гитара и банджо, и раздавались звуки негромкого пения.

Капитан чуть прошёл по правому борту и наткнулся на старого водолаза. Испанец стоял у борта и, увидев капитана, в знак приветствия важно коснулся рукой своей широкополой шляпы. Капитан подошёл к нему и встал рядом, опять напрягая свою память, но внешне спокойный. Какое-то время они стояли молча, потом к ним подошёл младший сын старого водолаза. В руках он держал поднос, на котором лежали две сигары, и стоял зажжённый фонарь.

И когда старый водолаз, взяв одну сигару, предложил капитану вторую, капитан его вспомнил: Гавана, тридцать восьмой год, дядя Пепе!

Капитан посмотрел в спину удаляющегося с пустым подносом Серхио и спросил:

– Как здоровье сеньориты Авроры?

– Сеньоры Авроры Гонсалес, – степенно поправил его дядя Пепе, он зубами откусил кончик своей «табакос» и сплюнул его за борт.

– Ваша племянница вышла замуж? – спросил капитан и тоже откусил кончик своей «табакос».

– Да, сеньор капитан... За испанца из Наварры, – медленно ответил дядя Пепе, он поднял фонарь с палубы, открыл его и принялся раскуривать свою сигару на огне фонаря.

Пустив облачко дыма, он передал фонарь капитану.

– Из Наварры? – невнятно переспросил капитан: он тоже стал раскуривать свою «табакос».

– Моя племянница долго не выходила замуж, пока не выбрала мужа по себе, – спокойно сказал дядя Пепе. – Теперь она с мужем живёт в Испании.

Капитан быстро взгляделся в водолаза, стараясь увидеть его глаза, но было уже слишком темно, а может быть, испанец просто прятал своё лицо, когда спокойно пояснил:

– Да, он похож на вас, сеньор капитан... Такой же светлый.

Капитан не знал, что на это ответить, и на несколько минут установилось молчание. Потом дядя Пепе неожиданно произнёс:

– Спасите моих сыновей, сеньор капитан... Скоро хефе Франсиско прикажет убрать свидетелей... Всех, кто видел галеон.

Голос старого водолаза был тих и спокоен, словно бы он обсуждал с капитаном позапрошлогодний урожай винограда в далёкой Испании.

На следующий день опять ныряли, и с самого утра из-под воды шли золотые монеты.

На плоту теперь установили раскалённую жаровню, перед которой сидели ныряльщики и пили горячий чай. Они сделали уже двадцать погружений, и им требовался отдых.

Капитан Фишер сердито смотрел на них из своей шлюпки.

– Не могли бы они нырять чаще? – наконец, отрывисто спросил он у старого водолаза. – Чего прохлаждаться?

– Проклятье на мою душу! – воскликнул сеньор Ромеро, сорвавшись.

Но он тут же взял себя в руки и уже спокойно сказал, неодобрительно поглядывая на Фишера:

– Они не прохлаждаются, сеньор капитан, а отдыхают... Можете сами попробовать понырять к галеону.

Капитан Фишер сглотнул и отвёл глаза.

– Мне это ни к чему, – тут же отшутился он. – Не зря же арабская пословица говорит: разве кто полезет под воду по своей воле?

Чтобы скрыть своё недовольство, Фишер сделал вид, что очень торопится доставить на бриг к дону Барреро сегодняшнюю добычу. Капитана он сегодня оставил на плоту под присмотром троих матросов, и, как только шлюпка Фишера скрылась в камнях, капитан перелез из на плот.

– Где вы научились этому делу, сеньор Ромеро? – спросил он у старого водолаза.

– Я научился нырять на Цейлоне... Я был ловцом жемчуга, – медленно ответил водолаз.

Услышав голос отца, улыбающийся Мигель оглянулся и посмотрел на капитана. Капитан подошёл поближе к ныряльщикам и спросил у Мигеля:

– Вам не страшно под водой?

– Под водой всем страшно, – ответил тот. – А мне становится страшно, не успею я сделать вдох для погружения... Серхио ныряет охотно, но и ему тоже страшно. Только он никогда не сознается в этом.

– Всё ты врешь, старичок! – воскликнул Серхио насмешливо. – Просто ты мне завидуешь, что я ныряю лучше тебя!

– Зато у тебя мозги, как у новорождённого мартышонка, сосунок несчастный, – сказал Мигель степенно.

– Мальчики, не ругайтесь, – произнёс старый водолаз и неодобрительно посмотрел на сыновей. – У вас разница в возрасте – всего год.

Капитан заулыбался.

– А что самое главное для ныряльщика? – спросил он у сеньора Ромеро. – Хорошие лёгкие?

– Не только, сеньор капитан, – сказал старый водолаз. – Я считаю, что главное – это умение определить свои возможности... Иные сидят под водой, пока не потеряют сознание... Они даже ничего не делают для своего спасения. Только видишь – замахали под водой руками. Как движения беспорядочные, а глаза – застывшие, затуманенные, значит, надо нырять, спасать, вытаскивать их. Такие никогда ныряльщиками не станут.

Тут сеньор Ромеро повернулся к сыновьям и громко сказал:

– А вы почему не дышите, бездельники? Ну-ка, дышать немедленно!

И молодые ныряльщики тут же засвистели. Потом вернулся капитан Фишер, и ныряльщики опять делали погружения и опять вытаскивали комки кораллов, и почти в каждом комке

было по несколько золотых монет, которые капитан Фишер, собрав как можно больше, отвозил хефе Франсиско на бриг.

К вечеру капитан опять попросился на берег, и его опять отвезли, и он стал бродить по берегу, пугая розовых крабов. На душе его было тоскливо. Он стоял на песке тропического острова под ярко-синим небом, высоко над его головою вместе с сильным ветром бежали маленькие кудрявые облака, отбрасывающие на голубую поверхность залива тёмные ползущие тени, а глаза его на этот остров просто не глядели.

И тут неожиданно он услышал крик белки-векши.

«Здесь не может быть векши, – подумал капитан вполоснено. – Просто не может! Так может кричать только Райвенук!» Горячая волна радости затопила его. Чтобы скрыть своё замешательство, капитан резко нагнулся, увидел гладкий морской камень и, обрадовавшись, схватил его. Скоро из таких плоских гольшей он возвёл на берегу, у самой пальмовой рощи, невысокую, но основательную башню, любовно подправил её со всех сторон, подобрал с земли засохший пальмовый лист, воткнул его в самый верх башни, придавив от ветра увесистым камнем.

– Замок розовых крабов, – отряхивая руки, громко сказал он караулящим его матросам, которые во все глаза следили за ним. – Завтра будет заселение.

Ночью капитан опять стоял в темноте на палубе вместе с сеньором Ромеро, они любовались звёздной ночью и курили сигары. И только пристальный наблюдатель мог заметить, что иногда они, между фразами, сказанными обычным голосом, говорили что-то тихо на ухо друг другу. Капитан повысил голос только один раз, после того, как сеньор Ромеро сказал:

– Я остаюсь на бриге, сеньор капитан.

– Они же убьют вас! – придушенно вскрикнул капитан.

– Я остаюсь в залог жизни своей больной жены и своей старенькой матери, – спокойно ответил старый водолаз. – Без меня дон Барреро расправится с ними. Мне надо остаться.

– Но они всё равно убьют вас, – стал протестовать капитан.

– Другого выхода я не вижу, – помолчав, тихо проговорил старый водолаз и добавил: – Но я буду уже счастлив тем, что мои сыновья спасутся.

– Нет, – тихо ответил капитан. – Так не пойдёт... Надо что-нибудь придумать.

На следующий день ныряльщикам стали попадаться стеклянные бусины, а потом слитки серебра с выбитыми на них цифрами декларации.

К вечеру капитан опять сошёл на берег. Его башня стояла на песке нетронутая никем, только сухой пальмовый лист уже не торчал на самом вершине. Капитан стал ходить вокруг башни, не смея приблизиться к ней – сегодня на берегу было много матросов: они ходили днём в глубь острова, чтобы настрелять дичи, и теперь купались. Когда их шлюпка, наконец-то, ушла к бригу, и на берегу остались только матросы-караульщики, капитан подошёл к своей башне и поднял верхний камень.

Как он и думал, в углублении под камнем лежала записка. Капитан взял её, загородившись спиной от матросов, и сунул за обшлаг рукава. На самый верх башни он опять воткнул пальмовый лист. В записке было только три слова, написанных рукой мистера Трелони: «Ждём ваших приказаний». Вернувшись к себе в каюту, капитан стал писать ответ огрызком карандаша, который у него хранился в отвороте обшлага со времён острова Андрос. Он намеревался вечером следующего дня оставить эту записку на самом вершине «замка розовых крабов», считывая только на то, что никто из матросов этим замком не заинтересуется.

Поднятие ценностей с борта галеона «Сан Габриэль» шло своим ходом. На следующий день капитан Фишер уже с утра отвёз дону Барреро на бриг золотые ожерелья, подвески и браслеты, изготовленные безвестными мастерами из Нового Света. За долгое время пребывания под водой всё это обросло кораллами. Иногда куски кораллов были пустыми, ничего не

содержащими внутри, а иногда один только крупный кусок, поднятый с помощью троса, скрывал под своим корявым обличьем многие предметы сразу: стеклянные бусины явно китайского происхождения, керамические черепки, бронзовые китайские весы для взвешивания драгоценных камней, серебряные эфесы шпага, именные золотые гребни какой-то доньи Каталины, золотые и серебряные монеты, слитки серебра и нефритовую китайскую подставку для кистей – всё это, лежащее вперемешку, тщательно отбиралось капитаном Фишером и доставлялось на борт брига. Капитан Фишер не стал выбрасывать даже керамические черепки после того, как капитан сказал, что они могут заинтересовать дону Барреро.

Вечером капитан долго сидел на берегу возле своей заветной башни, после того, как положил в неё записку, и с улыбкой смотрел на сухой пальмовый лист, опять трепещущий на её вершине.

Утром следующего дня пальмового листа на башне уже не было, о чём капитан сразу сообщил старому водолазу. Тот кивнул и пошёл к своим сыновьям на полубак – пора было садиться по шлюпкам, чтобы идти к галеону. Плот стоял, как всегда, на своём месте.

Мигель и Серхио нырнули с плота одновременно. Плот закачался, потом постепенно встал. Все, как обычно, вглядывались в толщу воды, пытаясь разглядеть хоть что-то под её мутной поверхностью. Когда истекли обычные для таких погружений пять минут, капитан закрыл часы и с тревогой посмотрел на сеньора Ромеро. Тот, встретившись испуганным взглядом с глазами капитана, отбросил полотенце и всполошено закричал матросам:

– Тяните!.. Да тяните же!

Матросы стали выбирать тросы с поясами-утяжелителями. Верёвки шли легко и скоро оказались на поверхности оборванными, без поясов.

Закричав, старый водолаз прыгнул в воду за сыновьями, и какое-то время его не было видно. Потом он вынырнул, жадно глотнул воздуха на поверхности и нырнул обратно. Когда он вынырнул из воды во второй раз, у него шла носом кровь. С помощью матросов водолаз влез на плот и, отдышавшись, глухо сказал:

– В воде их нет...

Он обвёл присутствующих взглядом мутных, налитых кровью глаз. Помолчав немного, он схватился за голову и добавил:

– Там нет моих сыновей.

Он скрючился на настиле плота и застыл, с его одежды стекала вода. Все потрясённо молчали, не зная, что делать. Капитан сквозь полуприкрытые веки неотрывно смотрел на старого водолаза. Матросы, поражённые ужасом, тоже смотрели на старого водолаза, потом они стали быстро, лихорадочно креститься и один за другим пересаживаться с плота в шлюпки.

– Скорее на «Консуэло»! – заорал Фишер. – Я должен обо всём доложить дону Барреро!

Тут он обернулся, глянул на капитана и прорычал грозно, тыча пальцем в двоих матросов:

– Ты и ты – останетесь с капитаном Линчем!.. Глаз с него не спускать!

Фишер отчалил. Во второй шлюпке закачались на поднятой волне оставленные матросы: они испуганно смотрели на капитана, и в их лицах читалось желание оказать от этого несчастного места, как можно дальше.

Не сводя глаз с этих двоих, капитан присел перед неподвижным сеньором Ромеро на корточки, участливо положил руку ему на плечо и тихо произнёс:

– Я боялся, что у вас не получится разбить себе нос под водой, сеньор.

На следующее утро все матросы с «Консуэло» отказались нырять к затонувшему галеону.

Отказались даже после того, как капитан Фишер достал свой пистолет. Впрочем, пистолет капитан Фишер довольно быстро убрал и независимо заулыбался, оглядывая злыми глазами сплочённые ряды матросов.

«Бойтся бунта, оно и правильно», – подумал капитан и сделал шаг вперёд.

– Нырять могу я, – сказал он и с улыбкой добавил: – Если сеньор Ромеро мне покажет, как это делается.

– Этот вопрос должен решить дон Барреро, – поспешно ответил явно обрадованный капитан Фишер. – Он с вами почему-то нянчится, хотя, была бы моя воля...

Фишер красноречиво не договорил, но глаза его хищно сверкнули. Он, уверенно и чётко ставя кривые ноги, медленно спустился с мостика, цепко глянул на боцмана, стоящего среди матросов, и поспешил в каюту дон Барреро.

Вернулся на палубу он уже с доном Барреро, странные немигающие глаза которого сразу нашли капитана в толпе матросов.

– Я пойду сегодня с вами к галеону, – сказал хефе Франсиско капитану. – Хочу посмотреть, как вы ныряете, мой друг.

Глаза хефе Франсиско опять смотрели на капитана, подавляя. Потом хефе Франсиско огляделся и недоумённо спросил:

– А где наш водолаз?

Фишер, потянувшись всем телом, что-то сказал хефе Франсиско на ухо.

– Ну и что, что утонули? – ответил тот. – Приведите его немедленно... Он же должен научить капитана Линча.

Фишер кивнул боцману. Боцман отдал команду. Матросы стали спускать шлюпки на воду, спустя какое-то время кто-то привёл сеньора Ромеро на палубу. Старый водолаз был угрюм, он посмотрел на капитана напряжённым взглядом. Капитан ненадолго прикрыл глаза веками.

Из шлюпок в бухте затонувшего галеона на плот вылезли только капитан, старый водолаз и матросы, отвечающие за подъём балласта и пояса-утяжелителя. Все стали готовиться. Капитан и старый водолаз сняли рубашки и взяли утяжелители со свинцовой гирей, чтобы закрепить их на поясе. Капитан Фишер, до этого негромко переговаривающийся с доном Барреро в своей шлюпке, неожиданно закричал:

– А вы куда, сеньор Ромеро?

Старый водолаз посмотрел на него недоумённо.

– Начинаящий нырять никогда не ныряет в одиночку, – ответил он. – Его сопровождает...

– Это где-то не ныряет, а у нас ныряет, – перебил водолаза капитан Фишер и небрежно, отгоняя, как муху, помахал ему пальцами вытянутой руки, чтобы тот отошёл от капитана.

Но старый водолаз не отошёл, он стал что-то тихо объяснять капитану, показывая на воду и на свою грудь. Капитан улыбался и кивал головой.

– Я всё уже понял, сеньор, – сказал он.

– Понять – это не главное, – ответил водолаз. – Вы ещё не ныряли и не знаете, что это такое... У вас может появиться боязнь глубины. Может возникнуть паника.

– У меня не будет паники, сеньор Ромеро, – ответил капитан.

– Обычный человек может задержать дыхание до одной минуты... А некоторые легендарные ныряльщики могут задерживать дыхание до двадцати минут и более, – сказал сеньор Ромеро.

– Да-да... А киты способны оставаться под водой до одного часа двадцати минут, – вторил ему капитан с улыбкой, он потянулся и взял с настила маску из просмоленной парусины со стёклышками для глаз.

– Перестаньте шутить, сеньор капитан, – сурово сказал водолаз, его умные глаза смотрели встревоженно. – Дело очень опасное... А я отвечаю за вашу жизнь.

Он стал помогать капитану прилаживать маску на лице. Капитан сел на настил палубы и спустил ноги в воду, которая показалась ему удивительно тёплой.

– Как будете готовы – прыгайте, – сказал водолаз.

Капитан кивнул головой и тут же прыгнул.

Он полетел вниз с балластным камнем, скоро очутился на дне и огляделся, держась одной рукой за трос, привязанный к камню, и стараясь увидеть хоть что-нибудь вокруг. Вокруг него было темно каким-то мутно-зелёным сумраком, он слышал глухие звуки, раздающиеся в этой темноте, а давление воды сжимало, сдавливало его тело со всех сторон, прижимало маску к лицу и стискивало грудь, выдавливая, выжимая из лёгких, казалось, последние капли воздуха.

А потом капитан попал в олибу, и он сразу понял это, хотя ничего подобного он ещё не переживал и не чувствовал. Его взгляд словно потерял свой фокус, или просто фокус его зрения растянулся по всему окружающему пространству, по всей этой мутной, зелёной воде, в которой капитан видел всё, и всё знал, и всё чувствовал, потому что сознание его раскинулось до бесконечности, а раскинувшись, оно вернулось к нему обратно и пошло внутрь. Внутри его тела всё было спокойно и расслаблено, он ощущал, как возникают и тут же гаснут какие-то напряжения в шее и в диафрагме, он понимал, он видел внутренним взором своё редко бьющееся сердце, он чувствовал, он даже слышал, как его лёгкие дышат...

Тут капитана потянули за пояс, он поспешил расстегнуть его и всплыть на поверхность.

– Слава богу!.. Вас не было больше минуты! – воскликнул сеньор Ромеро.

– Да? – удивился капитан, подплывая к плоту. – В другой раз буду считать секунды.

Он вскарабкался на плот и сел, опять спустив ноги в воду, и все заметили, что капитан не задыхается – он дышал совершенно обычно.

– Вы забыли снабдить меня сеткой для сокровищ, – сказал он, поправляя маску на лице.

– Сетка – вот она, – растерянно сказал старый водолаз, во все глаза глядя на капитана и придвигая к нему сетку, привязанную к тросу.

А капитан, увидев, что его утяжелитель уже подняли из воды, стал снова пристраивать его на поясе.

– Вам надо отдохнуть, сеньор капитан, – жалобно проговорил водолаз.

– Я не устал, – ответил капитан, принимая из рук матросов балластный камень.

– Боли в ушах нет? – спросил его водолаз.

Но капитан уже шумно свалился в воду.

Он всплыл на поверхность через минуту и поплыл к плоту. Матросы подняли его на настил. Сеньор Ромеро, который всё это время напряжённо сжимал в руках полотенце, уже набрасывал его на плечи капитана.

– Спасибо, сеньор, – ответил капитан ровным голосом.

Плот снова накренился: матросы в это время вытягивали из воды сетку с коралловыми камнями, которую капитан нагрузил под водой. Капитан Фишер поспешно принял содержимое сетки в свою шляпку, которая заходила ходуном. Дон Барреро, до этого, казалось, безучастно созерцавший происходящее, потеснился на своей банке: его руки цепко держались за планширь шляпки, стараясь справиться с качкой.

Капитан Фишер принялся лихорадочно разбивать камни и выбрасывать осколки за борт. Всё, обнаруженное в кораллах, он отдавал дону Барреро – это были золотые самородки, большие и не очень, а ещё множество золотого песка и крупинок, вдруг хлынувших из-под его молотка. От неожиданности все в шляпке дёрнулись, чуть её не опрокинув. Дон Барреро стал сыпать горстями песок и крупу в свою шляпу. Он был удивительно спокоен, в отличие от капитана Фишера – тот вскрикивал, стонал, подозрительно оглядывался на матросов и сыпал грязными ругательствами, когда коралл оказывался пустым. Только пустых коралловых камней было на удивление мало.

Капитан нырнул ещё раз, и опять матросы подняли сетку, полную коралловыми камнями, в которых опять были самородки золота. А потом капитан сказал, что устал. Капитан Фишер

потянулся к своему пистолету и нервно задышал, собираясь что-то возразить, но дон Барреро, строго посмотрев на него, ответил спокойно:

– Конечно, капитан Линч, отдыхайте, пожалуйста.

Вечером, перед закатом, капитан и старый водолаз попросили отвезти себя на берег. Они сели у крабовой башни, разулись и стали смотреть на воду, на скалы, на небо и на бриг. На палубе брига хефе Франсиско стоял и глядел на капитана и старого водолаза в подзорную трубу. Капитан помахал ему рукой, а потом лёг на песок, подложив под голову свою и так уже изрядно смятую шляпу со словами:

– Если он и дальше будет на нас пялиться, мы не сможем достать записку.

– А что же делать? – сказал сеньор Ромеро и тоже лёг.

– Давайте пока поговорим, – сказал капитан и прошептал, поворачивая голову к водолазу: – Я видел в воде под скалами светящийся ход на глубину.

– Там никаких ходов нет... Тем более светящихся, – удивился водолаз, он начал подниматься с земли. – Ни я не видел, ни мальчики ничего такого не говорили.

– Лежите, лежите, сеньор Ромеро, – одёрнул водолаза капитан и добавил: – А я ясно видел ход... Такая круглая дыра у подножия скал. И она в глубине светилась фосфоресцирующим светом.

– Под землёй нечему светиться, – потрясённо прошептал водолаз, он всё-таки сел и повёл покатыми плечами.

– Но в море светятся многие организмы, – заспорил капитан, приподнимаясь на локте. – Медузы, водоросли... Да мало ли чего может светиться. Кальмары, например.

Старый водолаз посмотрел на него напряжённым взглядом и спросил:

– Вы намекаете на гигантских кальмаров, сеньор капитан?

Капитан молча смотрел на испанца, потом он, словно бы нехотя, ответил:

– Вообще-то, я всегда считал, что гигантские кальмары, как и гигантские осьминоги – это сказки для доверчивых и невежественных матросов, сеньор Ромеро. Сам я ничего подобного никогда не видел... Но свечение было.

– Зато покойный Антонио что-то видел, – сказал старый водолаз.

Капитан открыл уже рот, чтобы рассказать, как почти десять лет назад ныряльщик пиратского капитана Гарсиа тоже был смертельно напуган тем, что увидел под водой, но вовремя спохватился и спросил только:

– Но нашим планам это ведь не помешает?

– Нет, – веско ответил водолаз, и его простоватое лицо осветилось улыбкой. – Плевали мы на всяких там вонючих кальмаров, хоть и светящихся, ведь правда? Действуем по плану... Только, как нам сейчас взять записку?

Капитан помолчал недолго в задумчивости, потом ответил:

– Я вернусь сейчас на бриг и отвлеку хефе Франсиско хитрым вопросом, а когда он отвернётся, вы достанете записку.

Старый водолаз кивнул головой, а потом осторожно спросил, сдвигая шляпу на затылок:

– А позволено мне будет узнать, сеньор капитан, что это за вопрос?

– Да, конечно, – ответил капитан, уже вставая. – Я хочу спросить у него, что ему завтра поднять со старого галеона – золотые самородки или золотые слитки?

Старый водолаз оторопело посмотрел в лицо капитана и спросил почти в испуге:

– А там есть золотые слитки?

Капитан в это время стал отряхивать себя от песка, поэтому он ответил не сразу.

– Да, есть, – наконец, невнятно произнёс он. – Они лежат под развалившейся кормой «Сан Габриэля».

Капитан стоял на широком и длинном пляже возле марокканской деревни Сиди Каоки, на прибрежный песок которого обрушивались страшные волны.

Это был свелл, – волновой массив, движущийся из эпицентра шторма, – и эти волны были несоизмеримы ни с чем, ни с домом, ни с горой, они были выше его сознания, таких волн он никогда ещё не видел, а то, что он видел сейчас перед собой, можно было назвать одним словом – «чистилище».

В следующий миг капитан оказался на гребне такой волны. Его окружали тьма и беспросветный туман, а ветер был такой силы, что на склоне одной волны он вызывал множество других: ветер создал волны поверх волн, и удержаться наверху такой волны капитан просто не смог. И скоро он оказался под водой, где волна держала его, играя с ним в смертельные игры, где становилось всё темнее, где он забыл, что здесь «верх», а что «низ», и где пена отрезала ему путь наверх и не давала дышать, и не давала опору, чтобы подняться и сделать вдох.

И тогда он нырнул ещё глубже, и чем больше была глубина – тем спокойнее была вода, и скоро он смог вынырнуть позади волны, вдохнуть полной грудью и проснуться...

На следующий день дон Барреро опять лично следил из шлюпки за тем, как капитан ныряет, потому что на вчерашний вопрос капитана он быстро ответил, словно, ничуть не удивившись: «И самородки, и слитки». Сидящий сейчас рядом с ним в шлюпке капитан Фишер был само нетерпение, он едва сдерживался, чтобы не вскочить и не закричать на капитана, который медленно готовился к погружению.

Капитан нырнул и сначала увидел под водой пузатые борта «Сан Габриэля» – они нелепо раскинулись на морском дне, полускрытые нагромождениями коралловых камней, а потом он опять попал в олибу, и все ненужные сейчас мысли, все переживания покинули его, и ему осталось только сосредоточиться на ощущениях своего тела.

Живот и поясница, поясница и шея: он чувствовал в них напряжение и тут же создавал расслабление в этих местах, и осознание немислимого, безграничного покоя уже захватывало его обмякшее тело, а руки сами шевелились, набрасывая в сетку невесомые сейчас коралловые камни, и ноги скользили в поисках нужного места, а мягкие губы беззвучно шевелились в привычном отсчёте времени. Когда истекла минута, капитан расстегнул балластный пояс и всплыл на поверхность.

Тут его с нетерпением ждали. Фишер закричал что-то грозное, матросы потащили сетку за трос и тяжело подняли её, немного оторвав от воды. Когда из сетки стекла вся вода, они проволокли её по настилу и с трудом передали в шлюпку Фишеру.

Камни в сетке в этот раз были все, как на подбор, крупные и, как оказалось, все они внутри содержали золотые самородки величиной с голову младенца и золотые слитки – весомые кривоватые округлые чурбаки с выбитыми на них цифрами декларации. Пустых коралловых камней не было совсем.

Когда в сетке остался последний коралловый камень, капитан шагнул к старому водолазу, заворожённо следящему за молотком в руках капитана Фишера, и прошептал ему на ухо:

– Сразу берите вправо.

Сеньор Ромеро скосил на капитана усталые умные глаза и коротко кивнул. Капитан стал готовиться к следующему погружению.

Когда он нырнул, все склонились над взволнованной поверхностью, всматриваясь в неё, а дон Барреро опять достал свои часы. Они приготвились ждать, как обычно, минуту с небольшим.

Но через полторы минуты дон Барреро заволновался.

– Тяните трос! – вскричал он, вскакивая с банки.

– Тяните скорее! – закричал на плоту сеньор Ромеро и кинулся к матросам.

– Тяните, холера вас задери!.. Всех вздёрну! – заорал капитан Фишер, он тоже вскочил, чуть не перевернув шлюпку.

Но матросы уже лихорадочно выбирали трос, привязанный к балластному поясу капитана. Трос шёл быстро и легко, и скоро в воздух взвился его мокрый оборванный конец.

Господи Иисусе! – всхлипнул кто-то. – И этого съели!..

И тут старый водолаз сорвал через голову рубаху и прыгнул с плота в воду.

Под водой он сразу же мощным гребком повернул вправо, как просил его капитан, и тут же был схвачен им за руку. Капитан, на котором был надет свинцовый пояс, потянул старого водолаза за собой к ближайшим скалам, не давая всплыть под выталкивающим действием воды.

Сеньор Ромеро попытался помочь капитану плыть, и это было последнее, что он успел осознать и сделать.

Скоро он почувствовал стеснение в груди и неодолимое, паническое стремление сделать вздох, он дёрнулся всем телом, потом глаза его перестали видеть, пропало желание всплывать и двигаться, но он ещё какое-то время продолжал слышать, как в его голове, где-то в затылке, всё тише и тише стучит чьё-то усталое сердце...

Глава 3. Жажда

Очнулся сеньор Ромеро, лёжа на животе, от собственного кашля, а потом и рвоты, в незнакомом месте, среди скал.

В ушах его стоял гулкий шум. Он сел, ладонью вытер с губ розоватую пену и с трудом огляделся. Его окружали какие-то незнакомые люди. Рыжий человек поднялся от него с колен и сейчас стоял над ним, улыбаясь, а рядом сидели его сыновья, Мигель и Серхио, и придерживали его за плечи.

– Ну, вот, – сказал доктор Легг. – Я же говорил, что всё будет хорошо.

И тут раздался близкий взрыв – сначала мощный, оглушающий хлопок, сопровождаемый прерывистым треском и гулом, потом окрестные скалы подхватили этот грохот, и земля содрогнулась. Все моментально обернулись в сторону взрыва и напряжённо застыли, вслушиваясь в его затихающее звучание: видеть они ничего не могли, потому что находились на небольшом ровном пятачке среди скал.

Ныряльщики что-то стали объяснять своему отцу по-испански, старый водолаз растерянно крутил головой, словно пытаясь что-то увидеть сквозь скалы.

– Только бы получилось, – с надеждой в голосе сказал мистер Трелони.

– Но канонир Хоксли обещал, что сможет взорвать скалы так, что «Консуэло» застрянет в той бухте навсегда, – обнадёжил сквайра доктор Легг, но по интонации сквайр понял, что доктор тоже не совсем уверен в успехе.

Они напряжённо замолчали, поглядывая друг на друга.

– И всё же мне жалко матросов с брига, – сказал мистер Трелони и растерянно потёр свой шрам на левой щеке.

– С командой ничего не случится, – заверил его доктор. – Они уйдут во французский посёлок на острове... Но пока они найдут другой корабль, мы уже будем далеко.

– Да, капитан это здорово придумал, – сказал мистер Трелони и опять повторил: – Только бы у него получилось...

Доктор Легг обернулся и посмотрел на сеньора Ромеро.

– Нам бы уже надо уходить, – с неловкой улыбкой пробормотал доктор.

Мистер Трелони подошёл к старому водолазу и что-то спросил у него по-испански. Тот утвердительно качнул головой и стал подниматься. Его сыновья помогли ему. Доктор посмотрел на юнгу Роберта и сказал:

– Мы уходим.

Юнга сделал шаг и тут же остановился.

– А как же капитан Линч? – воскликнул он.

– Он с Хоксли нас догонит, – ответил мистер Трелони. – Мы должны быстрее вернуться на шхуну, чтобы убраться подобру поздорову во время суматохи на бриге... Только бы у капитана всё получилось!

Они пошли среди нагретых солнцем скал по каменистому склону. Из-под их ног с шуршанием сыпался мелкий гравий, он, подскакивая, катился вниз и оседал в ложбинках и складках этих диких и голых камней. Юнга Роберт, идущий первым, легко прыгал с уступа на уступ, словно на него не действовала одуряющая жара, царившая в этом скалистом хаосе. Спустя какое-то время мистер Трелони отёр рукой пот, струящийся по виску из-под шляпы, остановился и посмотрел назад – он с минуты на минуту ждал появления капитана и канонира, которые должны были их нагнать.

– Мистер Трелони, не стреляйте, – вдруг услышал он знакомый голос.

Через секунду из-за уступа показалась голова капитана – он, улыбаясь, осторожно выглядывал из-за скалы.

– Откуда вы знаете, что я здесь стою? – спросил у него сквайр.

– Вы один из всех нас имеете обыкновение оглядываться и останавливаться, сэр, – весело отозвался капитан.

За его спиной сквайр увидел Хоксли. Капитан и канонир подошли к сквайру.

– Всё удачно? – спросил он с надеждой.

– Скала рухнула, как раз в нужном месте, – ответил капитан. – А вот перегородила ли она выход из бухты – нам рассматривать было недосуг... Мы торопились нагнать вас. Но всё получилось красиво.

Капитан улыбнулся сквайру, подняв белёные брови. Хоксли выразительно закатил глаза к кустистым бровям и гордо потряс поднятым над головой мосластым кулаком. Мистер Трелони повернулся и пошёл дальше, и первым догнал остальных.

Он быстро шёл за доктором, но время от времени останавливался и оборачивался на капитана. Скоро сквайр заметил, что капитан с тревогой посматривает на небо. На душе у сквайра стало беспокойно, он тоже стал поглядывать на небо, не понимая тревоги капитана: небо было чистое, на нём не было ни облачка.

На берегу их ждала шлюпка с вахтенным. На палубе «Архистар» их встретил штурман Пендайс и боцман Гант. У обоих были встревоженные, отчаянные лица.

– Что? Плохо дело? – спросил капитан у штурмана, глянув в его потемневшее от тревоги лицо, и это был не вопрос, а скорее утверждение.

– Хуже и придумать нельзя, сэр – сказал штурман. – Но я почти всех матросов послал в рангоут, чтобы сразу отдать паруса.

Капитан кивнул и решительно шагнул на квартердек. За ним быстро двинулись штурман и боцман. Мистер Трелони, тоже, было, направился следом за капитаном, но вернулся к доктору Леггу, который остался ждать, пока на борт поднимутся старый водолаз и его сыновья.

– Доктор, вы не знаете, что случилось? – спросил он у доктора тихо.

– Штили, а не бури... Вот ужас для парусника, – ответил доктор угрюмо.

И только тогда сквайр, покрутив головой, понял: ветра не было.

Воздух стоял неподвижен – бухта была хорошо закрыта со всех сторон. Над шхунной повисла удивительная тишина – никаких привычных звуков. Не было слышно даже, как ростры⁵ бьются о блоки⁶.

– Придётся ждать вечернего бриза, – сказал капитан на квартердеке.

– Может проверповать⁷ пока шхуну до выхода из бухты? – с надеждой спросил у него штурман Пендайс.

– Команда вымотается, Пендайс, – сказал капитан. – Верповать придётся милою или две... К тому же мы сейчас упускаем время, когда на бриге находятся в замешательстве. И потом... А если они, всё-таки, сумеют вывести бриг из своей бухты?.. Мы можем столкнуться с ними нос к носу – и тогда боя не миновать.

– До вечера ждать далеко, – сказал штурман Пендайс. – Только-только пробил три склянки⁸.

– Нам выбирать не приходится, – сказал капитан, он отвернулся от штурмана и крикнул к себе Платона.

Когда Платон встал перед ним, капитан сказал:

– Пойдёшь со мной на разведку. Скажи Райвенуку, чтобы тоже собирался. Берите подзорные трубы. Посмотрим, что делается на «Консуэло».

⁵ Ростры – деревянный настил на палубе для шлюпок и снастей.

⁶ Блоки – деревянные брёвна, поддерживающие ростры.

⁷ Верповать – передвигать корабль с помощью малого якоря-верпа: его перевозят на шлюпках, закрепляют на берегу, а потом подтягивают к нему корабль.

⁸ Три склянки – около половины второго.

Платон ушёл, а капитан спросил:

– Мистер Пендайс, надеюсь, что вы успели изучить ту бухту, где мы сейчас стоим?

Штурман моментально ответил, вытянувшись:

– Как собственную ладонь, сэр!

Он с надеждой глядел на капитана, но капитан больше ничего не сказал, а быстро пошёл к себе в каюту одеться – он всё ещё был раздет по пояс, а солнце жгло немилосердно, даже смола пузырями лопалась в пазах палубы. Матросы уже стали спускаться с мачт и лениво рассаживаться на баке.

Когда переодетый капитан вновь появился на квартердеке, его там ожидали доктор Легг, мистер Трелони, ныряльщик Мигель и бугристый коралловый камень размером с небольшой сундук или большую шкатулку.

– Откуда это? – спросил капитан по-испански у Мигеля.

– Мы вытащили это из-под воды рано утром, на рассвете следующего дня, после побега, – ответил Мигель. – Этот камень мы заметили ещё в первый день погружений и откатили от галеона подальше в скалы... А потом забрали.

– Еле из воды подняли, – добавил мистер Трелони.

– Ну, так давайте посмотрим, что там, – сказал капитан.

У доктора в руках появился плотницкий молоточек.

– Только осторожно, доктор, – предупредил его сквайр.

– Не учите меня, сэр, я вам не мальчик, – беззлобно огрызнулся доктор и приступил к делу.

Доктор отбил верхние кораллы молотком. Внутри оказались ювелирные украшения, серебряные монеты, датированные 1675 годом, а также удивительной сохранности фарфоровые чашки, которые капитан сразу взял в руки.

– Эти чашки изготовлены в эпоху династии Мин, – сказал он.

С ним никто не стал спорить, только мистер Трелони удивился, спросив:

– Но как они попали сюда?

– Они пересекли Тихий океан через Филиппины, а потом долго тряслись на спинах мулов через Мексику и Флориду Новой Испании⁹, – ответил капитан и, вытянув из кучи украшений массивную золотую цепь, добавил: – Так же, как вот эта цепь... Она тоже явно китайская.

Распутав звенья цепи, капитан покрутил её между пальцами, любуясь, и медленно положил обратно. Его взгляд задержался на толстом куске кораллов, облепившем дно сундука.

– И я вам рекомендую разбить этот кусок, – сказал он.

– Но зачем? – удивился Мигель. – Кораллы облепили деревянное дно и заменили его собой...

– Разбейте, потом скажу, – таинственно пообещал капитан.

Мигель и доктор одновременно принялись за коралловый камень, помогая друг другу. Из-под их молотков посыпались сначала осколки камня, а потом золотые монеты – они лежали внутри дна сундука в четыре плотных слоя.

– Капитан, но как вы про это узнали? – воскликнул доктор Легг.

– Ничего нет проще, доктор, – ответил капитан и ухмыльнулся. – Это обычный способ перевозки контрабанды – двойное дно... Им, как видите, во все времена пользовались.

Он нагнулся и поднял одну монету, рассматривая её. Потом он кинул монету в общую кучу и сказал Мигелю:

– Вот, будем считать, что это вам с братом плата за труды от хефе Франсиско.

– Но, сеньор капитан! – воскликнул тот. – Это мы с братом подняли специально для вас!

⁹ В состав Новой Испании входили современные территории Мексики, юго-западных штатов США (а также Флориды), Гватемалы, Белиза, Никарагуа, Сальвадора, Коста-Рики и Кубы.

– Для меня? – удивился капитан и, подумав, добавил: – Для меня, как плату за проезд, вы можете сделать кое-что другое... А заодно и для себя с сеньором Ромеро.

– Что, сеньор капитан? – охотно спросил Мигель.

Но тут капитан увидел Платона и Райвенука, которые терпеливо ждали его на палубе, вооружённые мушкетами, пистолетами и подозрными трубами.

– О, я пошёл, – воскликнул капитан и стал спускаться с квартердека.

Доктор проводил его недоумевающим взглядом, а потом сказал сквайру:

– Я ничего не понял... О чём они говорили по-испански?

И сквайр поспешно ответил доктору:

– Я вам сейчас всё объясню... Только, признаться, я тоже ничего не понял.

Потом он помолчал немного, поглаживая свой шрам, и добавил:

– Хотя меня сейчас больше заботит мысль: запер ли взрыв, устроенный Хоксли, выход бригу из бухты или нет.

Капитан, Райвенук и Платон залегли в тенистой развилке между двумя скалами.

Бухта и бриг отсюда были видны в подозрные трубы, как на ладони: капитан Фишер как раз на шлюпке с гребцами подплыл к тому узкому месту между скалами, где произошёл взрыв.

Скоро Платон произнёс:

– Они делают промеры.

– Угу, – сосредоточенно ответил капитан, не отрывая трубу от глаза. – Тот, который всё время орёт – это капитан Фишер. Это он в тебя стрелял.

– Я догадался, – ответил Платон.

– Пустой болтун, – медленно сказал Райвенук. – Всё время хватается за пистолет.

– Рядом с ним – боцман, – опять сказал капитан. – Он-то, как раз, всегда молчит.

– Тот, кто молчит, всегда знает в два раза больше, чем болтун, – сказал Райвенук.

Они затихли, не отнимая труб от глаз. Скоро капитан произнёс горько:

– Сдаётся мне, что проход мы им всё-таки не закрыли.

– Да, – ответил Платон. – У капитана Фишера радостное лицо.

– А если так, то им остаётся только проверповать бриг к выходу из бухты, – ответил капитан. – Там они нас и подкараулят... Я так бы и сделал.

– Уходим? – спросил Платон.

– Подождём ещё немного, – ответил капитан. – Пусть начнут.

Они обречённо стали смотреть, как шлюпка с капитаном Фишером возвращается к бригу. Но когда он и боцман поднялись на борт, начались удивительные вещи.

Поднявшийся на палубу «Консуэло» капитан Фишер оказался в плотной толпе матросов.

Он закричал что-то, как всегда, грозно, и спустя какое-то время раздался выстрел, эхом прокатившийся по всей бухте. Один матрос упал, но остальные, вместо того, чтобы отхлынуть назад, пошли на своего капитана, который быстро ударил ближайшего к нему матроса в висок рукоятью разряженного пистолета. Матрос, как подрубленный, рухнул на палубу. Капитан Фишер отбросил от себя бесполезный пистолет (тот упал на палубу с громким деревянным стуком), выхватил второй пистолет, взвёл курок, но тут боцман, стоящий сзади, саданул его ребром ладони пониже уха. Капитан Фишер упал. Боцман, нагнувшись, подхватил пистолет из-под его рук, захохотал и бросился к квартердеку, где неподвижно, явно в оторопи, стоял штурман «Консуэло». Часть матросов рванула за боцманом, но несколько человек осталось у поверженного капитана. Кто-то из них нагнулся, остальные расступились, в воздух взлетела чья-то рука с зажатой в ней саблей, и следом сразу раздался звериный выдох нескольких глоток. В это время на квартердеке истошно завопили яростные голоса.

И тут громовой удар потряс воздух бухты, и вся корма брига как-то странно и страшно вздыбилась, и по бухте прокатился могучий грохот взрыва, и в растущем облаке дыма, облом-

ков дерева и обрывков такелажа¹⁰ начали, одна за другой, валиться мачты, круша и корёжа борта, леера и корабельные надстройки, а ванты брига лопались с резкими хлопками, едва различимыми в рёве рвущихся и рвущихся в крюйт-камере бочонков с порохом и пороховых зарядов.

Рваные и горящие паруса и горячий дым, вылетающий рывками, со свистом, из-под выбитых палубных досок, не давали рассмотреть капитану то, что происходило сейчас на накренившейся палубе, но скоро нос брига поднялся над водой футов на двадцать, и обречённый бриг до половины ушёл в воду.

– Говорил я ему. Нельзя переименовывать корабль, – сказал капитан внезапно севшим голосом.

Он кашлянул и стал прочищать горло, не отводя потрясённого взгляда от зрелища катастрофы.

– Ужас, – согласился Платон, он сложил трубу и перекинул её через плечо.

– Двое плывут к берегу, – произнёс Райвенук, он чуть передвинул свою трубу влево и добавил: – Трое.

– Да, там могли остаться выжившие, – сказал капитан и обречённо посмотрел на Платона. Платон ответил ему понимающим взглядом, вздохнул и развёл руками.

Капитан взял к себе на борт десять человек – они были ранены, обожжены и не хотели оставаться на злополучном острове.

Их разместили на палубе, и ими тут же занялся доктор Легг. Пять или шесть матросов, самые не пострадавшие, не захотели уходить от полузатонувшего корабля, видимо рассчитывая добраться до золотых сокровищ с галеона, спрятанных где-то на бриге. Дона Барреро среди выживших не было. И никто не понимал, почему на «Консуэло» произошёл взрыв крюйт-камеры.

Вечером этого, такого длинного и насыщенного всякими событиями дня, «Архистар» снялась с якоря и с отливом вышла из потайной бухты острова Сент-Люсия в открытую Атлантику. На её высоких волнах, огибая грозные скалы восточного побережья Сент-Люсии, шхуна попала в пролив Сент-Винсент и устремилась через Карибское море опять к кубинскому побережью.

– Я решил доставить в Гавану сеньора Ромеро и его сыновей... Заодно, джентльмены, мы там с вами посетим остров Драй-Тортугас, – сказал капитан мистеру Трелони, доктору и штурману Пендайс за вечерним чаем.

По давней традиции юнгой Робертом вечерний чай с ромом был накрыт на ступенях квартердека.

– Как?.. Мы опять не идём в Новую Гранаду? – воскликнул сквайр.

– Ну-у, – протянул капитан и тут же воскликнул: – Вы же хотели на Драй-Тортугас, мистер Трелони?.. Сделаем небольшой крюк.

Штурман Пендайс скептически кашлянул. Капитан посмотрел на него и улыбнулся.

– Мистер Пендайс, я вам хочу предложить дивную манипуляцию, – сказал капитан.

– О! – настороженно выдохнул штурман, он отнял ото рта кружку с чаем и в немом азарте уставился на капитана.

– Да! – подтвердил капитан и неожиданно понизил голос почти до шёпота: – Ведь у нас на борту два великолепных ныряльщика... С ними и с их отцом, сеньором Ромеро, я уже договорился. Они согласны.

¹⁰ Такелаж – (нидерл. Takelage, от takel – оснастка) – общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты или рангоутного дерева, употребляемое для крепления рангоута и управления им и парусами. Такелаж разделяется на стоячий и бегучий.

Доктор Легг сделал шаг к капитану и вытянул шею, вслушиваясь.

– Да расскажите же толком, капитан, – зашептал доктор сердито. – Что вы всё время интригуете?

– Толком? – шёпотом переспросил капитан и заговорил уже обычным голосом. – Толком, дорогой доктор, никто ничего не знает даже в самой Испании... Все только догадываются.

– О чём? – быстро спросил штурман.

– Я уже рассказывал, что во Флоридском проливе погибли знаменитые корабли «Росарио», «Аточа» и «Ла Санта Маргарита», шедшие из Портобело и Картахены, – опять заговорил капитан. – В их трюмах перевозились золотые сокровища инков. На второй день после выхода эскадры из Гаваны начался шторм... Он разметал галеоны по Флоридскому проливу. И только галеон «Росарио» выбросило на пустынный берег острова Драй-Тортугас. Остальные два галеона так и не нашли, хоть испанцы и предприняли поиски и даже подняли с морского дна какие-то ценности.

– А вы надеетесь найти, капитан? – спросил сквайр.

– Да, есть у меня такая призрачная надежда, – ответил капитан. – Нам надо только избавиться от навязанных нам судьбой пациентов нашего доктора.

– Вы же их решили высадить на Ямайке? – полуутвердительно спросил доктор.

Тут шхуна громко «заговорила» и стала с шумом рассекать волны. Пустой поднос для чая начал ездить по ступени лестницы туда-сюда. Мистер Трелони сел на ступень и прижал поднос рукой.

– Волнение усиливается, – заметил штурман Пендайс. – Как бы вода не стала хлестать в шпигаты¹¹.

Он многозначительно посмотрел на доктора.

– Да, пойду к своим пациентам, – сказал доктор. – Хоть они и привычные ко всему, но как бы их не залило водой.

Доктор пошёл вдоль борта, хватаясь по пути за натянутые вантовые канаты. Потом он почему-то посмотрел на заходящее в море солнце и вдруг увидел над оранжевым солнечным шаром изумрудный всполох. От неожиданности доктор остановился. Ему неоднократно рассказывали матросы, что если долго следить в этих местах за солнечным закатом в море, то когда-нибудь, если очень повезёт, можно захватить «зелёную вспышку». И вот сейчас, совершенно негаданно, он её увидел.

Доктор хмыкнул, закрутил головой в оторопи и пошёл дальше, улыбаясь и думая о чудесах, которые происходят на белом свете.

Остров Ямайка, дорогой читатель, является третьим по площади в группе Больших Антильских островов и находится в зоне тропического климата с господством северо-восточных пассатов, заметно влияющих на его климат.

Большая часть территории Ямайки представляет собой известняковое плато. На острове есть низменности, высокие горы и карстовые котловины с невысокими холмами, узкими долинами, карстовыми воронками и подземными водотоками. Рек на острове много, и в середине XVIII века он почти весь был покрыт лесами, которые все последующие годы вырубались под плантации. Ямайка находится в зоне сейсмической активности. Здесь нередки ураганы разрушительной силы.

Остров был открыт Христофором Колумбом в 1494 году и назван им в честь королевской четы островом Фердинанда и Изабеллы, но прижилось местное название. К приходу испанцев Ямайку населяли индейцы араваки, которые за период испанского господства полностью исчезли. В качестве рабочей силы испанцы уже в начале XVI века стали завозить на остров

¹¹ Шпигаты – отверстия в борту на уровне палубы для удаления воды.

рабов из Африки. В 1655 году Ямайка была захвачена Великобританией, а в 1670 году остров был объявлен английской колонией. На острове обосновались англичане, превратив Ямайку сначала в оплот морских разбойников, а потом в крупную «сахарную» колонию и в один из крупнейших центров торговли рабами в Вест-Индии...

Шхуна шла к южному берегу Ямайки, к английскому порту Кингстон. Капитан стоял у левого борта с мистером Трелони и доктором Леггом. Они смотрели на горизонт в подзорные трубы.

– Южный берег Ямайки сильно расчленён и имеет хорошие гавани – прекрасные убежища для пиратов, – сказал капитан.

– Но он окаймлён рифами, – уточнил доктор.

– Да. В заливе Порт-Ройал, или по-другому, в заливе Кагуэй, в избытке имеются рифы и песчаные отмели, – подтвердил капитан и быстро добавил: – Но не беспокойтесь, наш мистер Пендайс знает залив, как свою ладонь... Откуда-то.

Капитан недоумённо хмыкнул, поднял брови, почесал подбородок кончиком трубы и продолжил:

– А вдоль залива тянется коса Палисадос... Всё это усложняет судоходство, но очень удобно для обороны города и блокирования входа в пролив Порт-Ройал.

Мистер Трелони спросил, поворачиваясь к капитану:

– Это здесь располагалась знаменитая пиратская столица Карибского моря?

– Да, на косе Палисадос, – ответил капитан. – В 1692 году землетрясение и последовавшее за ним цунами практически полностью разрушило Порт-Ройал. Но порт приносил такую прибыль, что был впоследствии отстроен заново... Но через одиннадцать лет в городе вспыхнул пожар, а потом несколько ураганов и новый пожар в 1728 году, продолжавшийся три дня, разрушили город окончательно. И население покинуло Порт-Ройал навсегда.

– Да-а, не везло пиратскому «Вавилону», – заметил доктор Легг. – Он достиг своего зенита славы, когда служил базой для операций пирата Генри Моргана... Тот грабил испанские города по всему побережью Карибского моря.

Тут мистер Трелони вставил своё замечание.

– При поддержке британских властей, – сказал он с улыбкой.

– Ну, конечно, – подтвердил доктор. – И в условиях непрекращающейся и сейчас конкуренции между нашей страной и Испанией... Но большая часть богатств, добытых пиратами, быстро оседала в руках городских торговцев. Их сейфы и склады были переполнены добычей.

Капитан посмотрел в море. Спустя какое-то время он удивлённо хмыкнул и произнёс:

– Посмотрите на россыпь вон тех скал... Там стоит человек.

– Не может быть... Это же совсем неприступные и необитаемые скалы, – потрясённо выговорил доктор, он раскрыл свою трубу и взгляделся. – И правда, кто-то стоит на самом вершине скалы.

Капитан опять посмотрел в свою трубу и сказал сквайру:

– Мистер Трелони!.. Вы узнаете этого господина?

Сквайр, всё это время пристально рассматривающий скалы, ответил удивлённо, опуская свою трубу:

– Да, узнаю, как будто... Но что он там делает на этом островке? Это же совсем дикие скалы!

Капитан повернулся к боцману Ганту, только что подошедшему к ним, и сказал:

– Мистер Гант, мы ложимся в дрейф! И спускайте шлюпку... Я сам пойду к этим скалам.

Боцман Гант, уже удаляясь, зычно закричал:

– Взять марсели на гитовы!.. Спустить бом-кливер!.. Обстенить кливер под ветер и спустить фока-зейл!

И тут мистер Трелони не выдержал.

– Вы не должны этого делать, капитан! – вскричал он, стискивая свою трубу так, что побелели костяшки пальцев. – Это может быть кошмарная ловушка!..

Капитан рассеянно улыбнулся, видимо, в глубокой задумчивости не обращая внимания на то, что ему сказал сквайр. Тогда тот быстро оглянулся на доктора и возмущённо выпалил:

– Доктор, да скажите же ему!

– В самом деле, капитан, – произнёс доктор удивительно умоляющим голосом. – Не надо спускать для него шлюпку... Ну, стоит он там на скале и стоит. Нам-то что?

Капитан даже не посмотрел на доктора, и тогда тот сказал с угрозой, явно от отчаяния:

– Или я сейчас опять начну свой эксперимент!

И доктор насмешливо и в то же время с надеждой посмотрел на капитана и тут же потупился – капитан смотрел на него в упор, и его глаза поражали голубизной.

– Да ладно вам, доктор, – наконец, беззаботно ответил капитан, протягивая доктору свою трубу. – Я быстро... Как говорит наш мистер Трелони: «Я только на минуточку».

Доктор Легг взял у капитана трубу. «Архистар» тем временем легла в дрейф. Шлюпка была спущена на воду, и скоро матросы, работая тремя парами вёсел, подошли к группе высоких и голых скал, где, в самом деле, молча и неподвижно стоял человек, над головой которого летали и кричали птицы.

Когда первый гребец зацепился за ближайший камень багром, капитан, задрав голову кверху, сказал по-испански:

– Здравствуй, Сальвадор.

– Здравствуйте, сеньор капитан, – тихо ответил цыган Сальвадор и спросил: – Как вас теперь зовут?

– Называй меня теперь капитан Линч... Дэниэл Линч... Это моё настоящее имя, – ответил капитан и неожиданно вскричал: – Но что вы здесь делаете, сеньор цыган, чёрт вас возьми?

Сальвадор продолжал спокойно смотреть на капитана своими большими, чуть раскосыми глазами, потом ответил, вроде даже как-то недоумённо:

– Получается, что жду вас.

Был он такой же подтянутый и высокий, как и раньше, и всё так же одет во всё чёрное. Чёрная прядь спутанных волос упала под ветром ему на глаза. Сальвадор откинул её смуглой рукой, и капитану опять почудилось в его взгляде что-то от хищного хитрого зверя – в нём была животная непредсказуемость, дерзость и ещё что-то, словно, странная робость перед людьми.

– Тогда спускайтесь, – приказал капитан. – Мы и так задержались из-за вас.

Цыган Сальвадор сел, свесив обутые в высокие сапоги ноги, потом стал сползать со скалы, ставя то одну, то другую ногу с уступа на уступ. Скоро он ловко вскочил в шлюпку, даже не раскачав её.

Шлюпка пошла к «Архистар». Плыли молча: Сальвадор ничего не рассказывал, а капитан ни о чём его не спрашивал. Потом капитан ушёл к себе в каюту переодеться: он собирался посетить генерал-губернатора Ямайки. Потом шхуна встала под прицелом пушек форта Чарльз, на шхуну прибыл портовый чиновник, и капитану было не до цыгана. И только потом случилось так, что капитан, Платон и цыган Сальвадор шли в шлюпке до берега вместе.

Скоро гребцы, лавируя между небольшими судёнышками и другими шлюпками и рыбацкими лодками, наконец, пристали к старому пирсу, изъеденному морской солью и выгоревшему добела на солнце. Цыган стал первым высаживаться из шлюпки на пирс.

– Я думал, что вас убили! – громко сказал капитан ему в спину.

Сальвадор повернулся.

– Многие так думали, сеньор капитан, – ответил он и насмешливо посмотрел из-под густых ресниц, от которых на его изжелта-карие глаза ложились глубокие чёрные тени.

– Как вы жили всё это время? – спросил капитан.

– Всё рассказывать – года не хватит, – ответил Сальвадор, он криво усмехнулся и посмотрел в сторону.

– У меня всё ещё хранится ваш нож-шило, – сказал капитан. – Я думаю, он вам нужен.

– Вернусь – заберу, – ответил Сальвадор, уже отворачиваясь от шлюпки.

– Мы будем стоять в Кингстоне ещё три дня, – сказал капитан в спину уходящему цыгану и подумал, что он только и делает сегодня, что разговаривает с Сальвадором снизу вверх.

Не оборачиваясь и не останавливаясь, цыган Сальвадор поднял руку в знак того, что он слышал. На его спине по-прежнему были белёсые следы высохшего пота. Ветер трепал длинные пряди его чёрных, совсем без седины волос, издали очень напоминающих спутанную конскую гриву. Скоро его высокая стройная фигура затерялась в толпе.

Цыган Сальвадор не объявился на пристани ни через день, ни через два, ни через три дня. На шхуне запаслись водой и провизией, загрузились сахаром и кофе и ушли с Ямайки.

– И что интересно, джентльмены, большинство пиратских капитанов были англичанами, – сказал капитан и поднёс ко рту кружку с чаем.

Как обычно в этот час все стояли у лестницы на квартердек и пили чай с ромом. Отхлебнув, капитан продолжил:

– Это повелось ещё со времён правления Елизаветы I, то есть, со второй половины XVI века... То ли английские моряки обладали врождённой склонностью ко всякого рода авантюрам, то ли само время подталкивало их к разным махинациям, сколько-нибудь отдававшим разбоем, но начиная с великого адмирала Френсиса Дрейка и вплоть до свирепого капитана Генри Моргана именно за англичанами числятся самые дерзкие и бесчеловечные преступления и самый наибольший причинённый ими экономический ущерб.

Тут капитан остановился и стал переводить свои слова на испанский язык – сегодня с ними пил чай сеньор Ромеро. Старый водолаз всё время, пока капитан говорил, качал головой в подтверждении.

Когда капитан замолчал, мистер Трелони сказал:

– Сегодня необыкновенно вкусный чай.

Доктор Легг заулыбался.

– Что? – спросил сквайр и подозрительно посмотрел в свою кружку.

– Да ничего страшного, мистер Трелони, – ответил улыбающийся доктор. – Пейте-пейте... Просто сегодня кок Пиррет добавил в чай ямайский ром. Бостонский кончился.

– Ром с Ямайки? – переспросил сквайр.

– Да, – подтвердил доктор. – А ямайский ром, как известно, отличается более тёмным цветом и более выраженным вкусом... А всё дело в том, что в него кладут больше патоки. Потому что не надо на патоке экономить.

– Чудесный, просто свирепо-убийственный ром, я назвал бы его ромом капитана Моргана, – удовлетворённо сказал сквайр и с чувством поднёс свою кружку ко рту.

– Когда-нибудь так и назовут, – сказал доктор уверенно и залихватски вскинул голову.

– Доктор, вы опять фантазируете, – засмеялся капитан.

– О, господа, капитан, – простонал доктор. – Да перестаньте вы в самом деле! Ну, фантазирую немножко... Может, мне это нравится?

Капитан, смеясь, стал переводить сеньору Ромеро то, что доктор сказал про ром с Ямайки. Старый водолаз заулыбался и что-то ответил.

– Что он говорит? – спросил доктор.

– Он говорит, что на Кубе ром мягче, и он более светлый, – ответил капитан.

Доктор Легг тоже заулыбался и сказал:

– А спросите у него, капитан, что надо делать, чтобы спастись от мурены? И пусть ваш водолаз меня научит выпускать воздух из лёгких так, чтобы дольше находиться под водой... И спросите: правда, что в Новой Гранаде много кайманов?

Капитан вмиг застыл. Он испытал неожиданное беспокойство, ему почему-то на мгновение показалось, что что-то сейчас пошло не так. Что-то, чего понять он не мог, как не пытался, определённо ему не нравилось.

Между тем мистер Трелони, видя замешательство капитана, из какой-то своей внутренней деликатности, а может из желания сгладить неловкую паузу в разговоре, уже переводил сеньору Ромеро слова доктора и про мурену, и про воздух из лёгких, и про кайманов в Новой Гранаде. Доктор ещё что-то стал спрашивать у старого водолаза, но капитан уже не слушал: что-то дрожало в нём, что-то билось тревогой в середине груди.

Тут к нему подошёл боцман Гант, и капитан быстро ушёл с ним, потому что то, что боцман прошептал сейчас на ухо, было очень страшно.

– Повтори, – приказал капитан, когда они с Ганном отошли от квартердека.

– Сэр, на корабле протухла вся питьевая вода, – повторил боцман тихо и обречённо.

– Не может быть, – сказал капитан, глядя на боцмана непонимающе. – Мы же только только запаслись свежей водой на Ямайке?

– Сам не пойму, сэр... Мы с коком Пирретом уже всё облазили – протухла, проклятье на мою душу! – чуть не плача, вскричал Бенджамин Гант, переминаясь от растерянности с ноги на ногу.

Капитан почувствовал, как по его спине потёк холодный пот: моряку узнать в открытом море, что пить нечего, всегда ужасно.

– Ни одной бочки? – спросил он с надеждой.

– Может, мы что-то и проглядели... Может что-то и завалилось, – пролепетал боцман Гант тоже с надеждой.

– Бери Платона и Райвенука! И ещё кого хочешь... Облазить весь трюм – но найти мне воду, хоть бочку! – приказал капитан.

Он отвернулся от боцмана и вернулся к квартердеку, где на него уже встревоженно глядели джентльмены. Только сеньор Ромеро в лице не изменился ничуть, он стоял и спокойно продолжал пить чай.

– Что случилось? – спросил капитана сквайр.

– Досадная неприятность, – ответил капитан. – Нам больше нечего пить.

– Но мы же запаслись водой на Ямайке! – вскричал доктор.

– Запаслись, – подтвердил капитан. – И вся эта вода почему-то уже протухла... Никогда такого не было... Чтобы так быстро!

– И что теперь? – спросил сквайр.

– Ну, мы же не в открытом океане, а во внутреннем море, – стал успокаивать сквайра капитан с нарочитой беспечностью в голосе. – Зайдём куда-нибудь, хоть на Кубу. И найдём укромную бухту с питьевой водой.

– А пока что? – угрюмо спросил доктор.

– Пока будем пить вино и ром, – ответил капитан. – И сейчас Платон постарается найти хоть одну бочку воды из старых запасов. Может, где-то завалилась.

– Хм, – хмыкнул сквайр. – Как может незаметно завалиться целая бочка?

Капитан промолчал.

– Иногда такое случается, – успокаивающе ответил доктор вместо капитана и добавил с улыбкой: – Только бы ром не протух!

– Вам, доктор, только бы ром был! – с упрёком воскликнул расстроенный сквайр, он потянулся, было, руками к голове и тут же одёрнул себя.

– Ах, мистер Трелони, – воскликнул доктор. – Кто-то считает, что пить надо много. Кто-то считает, что пить надо мало. Я же считаю, что все они правы в одном – пить надо!

– Всё у вас шуточки, доктор! – сердито вскричал сквайр.

И тут раздался тихий голос старого водолаза, который до этого спокойно следил за перепалкой доктора и мистера Трелони и только теперь что-то спросил. Капитан ему ответил по-испански. Сеньор Ромеро улыбнулся и что-то ответил капитану, после чего тот заметно повеселел, хоть лицо его всё ещё сохраняло недоверчивое выражение.

– Что он говорит? – воскликнул доктор.

– Сеньор Ромеро говорит, что водой можно запастись на Большом Каймане, – сказал капитан.

– Но на Кайманах нет воды! – вскричал доктор. – Там нет ни рек, ни озёр. Вообще ничего!

– Он говорит, что знает, где есть пресная вода в море, – пояснил капитан.

– Да как это может быть – в море? – удивлённо воскликнул мистер Трелони.

– Да-да, дружище, такое может быть! – подтвердил доктор Легг. – «Ливанское чудо»!

– «Ливанское чудо»? – переспросил мистер Трелони.

– Ну да, Джордж, – подтвердил доктор. – В Средиземном море, возле города Триполи, что в Ливане, есть мощные источники пресной воды. Причём вода эта такая холодная, что рыба, которая заплывает туда, сразу гибнет. Пресная вода бьёт из морского дна и поднимается на поверхность воронкой.

– Такое может быть и на Кайманах, – сказал капитан. – Там известняковые скалы, и вся дождевая вода, не задерживаясь на земле, сразу просачивается сквозь этот пористый известняк и уходит под землю... Но где-то же она должна выходить наружу?

Капитан повернулся к старому проводнику и заговорил с ним по-испански. Мистер Трелони напряжённо вслушивался, а потом перевёл доктору:

– Сеньор Ромеро говорит, что идти надо на Большой Кайман, а там он покажет.

Какое-то время капитан молчал, потом сказал задумчиво:

– Надо сообщить мистеру Пендайсу. На Кайманы мы должны были зайти за черепахами.

Через час к капитану подошёл Платон, и доложил, что хорошей питьевой воды в трюме они не нашли, хоть и перешерстили весь трюм и суродовались с Райвенуком, как карлы.

Наступило утро.

Все уже знали, что пригодной воды на корабле осталось меньше половины бочки, и как это обычно бывает, когда воды нет – всем сразу же страшно захотелось пить.

– Жажда – это физиологическое ощущение, относящееся к разряду общих чувств и служащее сигналом того, что организм нуждается в воде, – сказал доктор Легг сквайру, когда они встретились на палубе.

Мистер Трелони подозрительно присмотрелся к доктору и сказал:

– Судя по тому, как вы ухмыляетесь, доктор, вы уже выпили.

– Вы меня обижаете, сэр, – запротестовал доктор, прикладывая руки к груди. – Вовсе нет!

– Да неужели? – спросил сквайр.

– Конечно же, нет! – вскричал доктор. – Слово чести!.. Я ухмыляюсь потому, что только иду на камбуз, чтобы выпить.

Мистер Трелони хмыкнул.

– Можно попробовать вскипятить оставшуюся воду и добавить в неё ром, – сказал он.

– Я уже пробовал сегодня на рассвете, – ответил доктор. – Матросы пить это отказались – они попросили рома чистого... Никто не согласился мешать свою ежедневную порцию рома с той густой и вонючей бурдой, что оказалась у нас в бочках... Её выпил только Райвенук, потому что он от рома отказался. Наотрез.

– Я тоже от рома отказываюсь наотрез, – сказал сквайр и вытянул губы в строгую нить.

– Да ну? – удивился доктор, он замер на месте и уставился на сквайра во все глаза.

– Да, представьте, – сказал сквайр, словно бы не замечая удивления доктора, потом улыбнулся и добавил: – Я отказываюсь от рома в пользу вина... На корабле ещё должно остаться бургундское.

– Конечно, мой друг! – довольно хохотнул доктор, хватая сквайра за руку. – Вино нас согреет и прибодрит.

– Особенно согреет, – отозвался сквайр насмешливо.

– Даже галерные рабы, по преданию, ежедневно получали свои две пинты вина, – опять хохотнул доктор.

– Вы мне ещё про Христофора Колумба расскажите и про его вечно пьяную команду, – проворчал сквайр.

– А что, Колумб? – воскликнул доктор. – Колумб был не дурак! Как бы ещё он заглушил у своих моряков страх перед неизвестной Атлантикой? Да ни один корабль не сможет ходить в море не только без ветра, но и без алкоголя... Ни одна команда не согласится наняться на «трезвую» посудину.

Тут доктор посмотрел на небо и проговорил быстро:

– Только бы шторма не было. Шторма нам в таком состоянии не выстоять – потонем, как пить дать, потонем.

Мистер Трелони засмеялся, ему показались забавными в их положении слова доктора «как пить дать». Тут он услышал голос капитана.

– Я рад, что на борту оптимистичное настроение, – сказал капитан, приближаясь к джентльменам.

Капитан выглядел усталым и измученным, что сразу же было замечено чутким глазом сквайра.

– Ещё какое оптимистичное, капитан, – подтвердил доктор. – Вы и представить себе не можете.

Капитан посмотрел оценивающе на доктора, потом на сквайра и сказал:

– Судя по всему, вы собираетесь на камбуз, джентльмены.

– Так точно, сэр, – согласился доктор. – Ползём помаленьку.

– Передайте от меня коку, чтобы остатки воды он выдавал только Райвенуку и Роберту, – сказал капитан.

Мистер Трелони кивнул и потянул доктора за собой за рукав. Капитан потёр лицо, вздохнул и пошёл на корму.

Штурман Пендайс стоял на четвердеке, опираясь на четвердек-релинг¹² и переговаривался с боцманом Ганном, стоящим внизу.

– Если будет хороший ветер, то на Большой Кайман мы придём дня через три-четыре, – сказал штурман.

– Да, но чтобы найти этот источник в море и взять оттуда воду, нам будет нужен штиль, – ответил боцман Гант и удручённо вздохнул.

– Сначала ветер, дурья башка, – заспорил штурман Пендайс. – Чтобы добраться до источника быстрее, нам нужен хороший ветер.

– А как мы потом возьмём воду, Джон? Да мы в волнах источник даже не заметим... Так и будем мотаться туда-сюда, – стоял на своём боцман Гант.

– Ну, хорошо, – наконец, согласился с ним штурман. – Сначала до Большого Каймана – ветер, потом, на Каймане – сразу же штиль.

Тут штурман Пендайс увидел капитана и выпрямился. Боцман Гант оглянулся и вытянулся тоже.

¹² Четвердек-релинг – балюстрада с балясинами, ограждающая пространство четвердека.

– Как команда, боцман? – спросил капитан, подходя ближе.

– Ночная вахта спит, а дневная... – Бен Гант на мгновение запнулся, но потом всё же нашёлся: – Дневная – все довольные.

– Смотри, чтобы они, такие довольные, у тебя за борт не попадали, – предупредил капитан и сам же возразил со вздохом: – Хотя тут, смотри – не смотри... Не досчитаемся потом людей, твою-то мать!

Он ещё перебрался парой фраз с мистером Пендайсом и ушёл к себе. Остаток дня прошёл мучительно.

Ночью капитану приснился сон: он сидел в шлюпке возле мыса Рей, вздымающего из моря свою чёрную, неприветливую вершину, ещё прикрытую кое-где пятнами сияющей снежной белизны. У его ног, на дне шлюпки, лежало ружье и несколько подстреленных, истекающих кровью тюленей. Он сидел, стиснув зубы, сжимая в руках кормовое весло, и бросал отчаянные взгляды на своё зверобойное судно: он ждал оттуда отзывный флаг. Между тем ветер усиливался, вместо диких весёлых волн с тёмной рябью он теперь гнал большие, бледно-зелёные, с пенным гребнем валы, которые в ближайшее время грозили обернуться кошмаром.

Капитан сидел и ждал, когда на его судне отзовут его, но флага всё не было. Шлюпку качало всё сильнее – безучастные валы поднимались, разбивались и снова катились куда-то. Скоро солнце исчезло за чёрными тучами, идущими с северо-запада, что предвещало близкую бурю. Капитан смотрел на своё судно, стараясь подавить в себе ужас одиночества и незащитности, и с горечью понимал, что ожидание становится невыносимым: от напряжения у него меркло в глазах, его мучило от качки, во рту давно и безнадежно пересохло, а сердце измучилось надеждой, готовое в каждую минуту радостно забиться.

Он опустил в растерянности глаза: тонкие струйки холодной воды стекали с его непромокаемой одежды на дно шлюпки и смешивались там с тюленьей кровью. Эта кровь плескалась по шлюпке и уже плыла в его глазах красными кругами. В отчаянии он снова посмотрел вдаль.

Когда на бизани его судна всё же поднялся отзывный флаг, капитан застонал и проснулся...

– Парус на горизонте! – закричал вперёдсмотрящий раним утром на следующий день. – Прямо по траверзу в зюйдовом направлении!

Очень быстро, словно он стоял где-то наготове, на палубе возник капитан с подозрительной трубой в руках. Он поднялся на квартердек и встал рядом со штурманом Пендайсом. Скоро на палубе появились взволнованные полуодетые мистер Трелони и доктор Легг и встали к левому борту.

– Какой-то бриг, – сказал капитан штурману Пендайсу, взглядевшись в горизонт. – Кажется, он идёт параллельным курсом... И хорошо идёт!

– Прикажете свистать всех наверх, сэр? – спросил штурман. – Готовиться к бою?

Капитан молчал, рассматривая неизвестный корабль в трубу. Штурман Пендайс тоже взгляделся и оторопел.

– Да это «Мефисто»! – вскричал он потрясённо. – Корабль Красавчика Джона!.. Надо готовиться к бою, капитан!

– Откуда вы знаете, Пендайс? – спросил капитан, опуская свою трубу и удивлённо глядя на штурмана. – Это может быть любой другой бриг.

Было видно, как штурман осёкся: он крикнул и заметался глазами, опуская трубу в оторопи.

– Мда, что-то я ломанул в левентик¹³, – стеснённо промямлил он.

– Не похоже на вас, мистер Пендайс, чтобы вы вдруг испугались, – заметил капитан.

¹³ Левентик – курс судна относительно ветра, когда ветер дует прямо в нос. Парусное судно таким курсом идти не может.

– Да я не испугался, – стал оправдываться штурман. – Мне показалось... Но может, это какой другой пират. Или не пират... Флага-то он не поднял!

Штурман Пендайс воровато отвёл глаза и снова выставил трубу, всматриваясь вдаль.

– Не похоже, чтобы он догонял нас, – сказал он через некоторое время.

– Вот и я гляжу... Он по-прежнему не сближается с нами, – сказал капитан. – Подождём, что он будет делать дальше. Хотя посмотрите, мистер Пендайс!

Штурман перевёл свою трубу туда, куда указывал капитан. Он увидел ещё один парус – на горизонте появился ещё один корабль, который тоже шёл параллельным курсом и который тоже постепенно увеличивался в размерах.

– А вот это уже корвет Британского королевского флота, – удовлетворённо проговорил капитан. – И, похоже, что он гонится за этим бригом.

– Солнце слепит, – с досадой проворчал штурман. – Я не могу сосчитать, сколько у него портов... Но по размерам он похож на восемнадцати пушечный корвет.

– Поднять английский флаг! – закричал капитан. – И просемафорьте: «Просим помощи»!

За спиной капитана послышался голос боцмана Ганта, отдающего команду.

– Что вы хотите сделать, сэр? – спросил штурман Пендайс у капитана.

– Хорошо бы было догнать этот английский корвет и попросить у них воды, – ответил капитан. – Что же ещё?.. Тем более, что он идёт нашим курсом.

Штурман опять прильнул к своей трубе.

– Корвет нагоняет бриг, – сказал он спустя какое-то время.

Чуть позднее он опять сказал:

– Корвет подошёл к бригу на пушечный выстрел.

И тут от корвета отделилось белое облачко дыма, и следом раздался залп пушечных орудий, который с эхом прокатился над морем и постепенно стих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.